

ДАР БИТВЫ

КНИГА № 17 В СЕРИИ КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ

МОРГАН РАЙС

Кольцо чародея

Морган Райс

Дар битвы

«Lukeman Literary Management Ltd»

Райс М.

Дар битвы / М. Райс — «Lukeman Literary Management Ltd»,
— (Кольцо чародея)

ISBN 978-1-63-291714-0

В книге "ДАР БИТВЫ" Тору предстоит его величайшее и последнее испытание на пути по Земле Крови в поисках Гувейна. Встретившись в врагами более сильным, чем он мог себе вообразить, Тор вскоре осознаёт, что его могущества недостаточно для борьбы против армии тьмы. Он узнаёт, что священный артефакт, предмет, который хранили в секрете с начала мира, может дать ему необходимые силы, и отправляется на поиски, чтобы заполучить его до того, как станет слишком поздно. Судьба Кольца висит на волоске. Гвендолин исполняет обещание, данное Королю Перевала, и отправляется в башню, чтобы столкнуться со служителями культа и узнать, какие секреты они таят. Со своей находкой она идёт к Аргону, а потом – к его учителю, и узнаёт главную тайну, которая сможет изменить судьбу её народа. Когда Империя обнаруживает Перевал и начинает завоевание, Гвендолин выпадает защитить свой народ от несметной армии и увести их в безопасное место. Братья Тора по Легиону самостоятельно идут на невероятные риски, в то время как Эйнджел грозит смерть от проказы. Дариус в столице Империи борется за жизнь плечом к плечу с со своим отцом, пока неожиданный поворот не заставляет его наконец обратиться к собственным скрытым силам. Эрек и Алистер прибывают в Волусию, с боями прорываясь вверх по реке, чтобы найти Гвендолин и других изгнанников, но обнаруживают неожиданных противников. Годфри осознаёт, что должен наконец решить, каким человеком он хочет стать. Волусия, окружённая Рыцарями Семёрки, вынуждена проверить, действительно ли она богиня и сможет ли она в одиночку одолеть армии врагов и править Империей. Аргон же в это время понимает, что жизнь его подходит к концу и настала пора пожертвовать собой. Добро и зло балансируют на грани в последней битве – величайшей битве всех времён – которая должна определить судьбу Кольца раз и навсегда. Благодаря усовершенствованному построению мира и

характерам, "ДАР БИТВЫ" представляет собой эпическую историю о друзьях и возлюбленных, о соперниках и поклонниках, о рыцарях и драконах, об интригах и политических махинациях, о взрослении, о разбитых сердцах, об обмане, амбициях и предательстве. Это история о чести и мужестве, судьбе и роке, о магии. Это фантазия, которая вводит нас в незабываемый мир, который понравится людям всех возрастов и полов. "ДАР БИТВЫ" – самая длинная книга в серии – целых 93 000 слов!

ISBN 978-1-63-291714-0

© Райс М.

© Lukeman Literary Management Ltd

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	11
ГЛАВА ВТОРАЯ	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	17
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	19
ГЛАВА ПЯТАЯ	25
ГЛАВА ШЕСТАЯ	27
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	31
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	33
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	36
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	39
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	41
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	44
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	48
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	50
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Морган Райс ДАР БИТВЫ

О Морган Райс

Морган Райс – автор бестселлеров № 1, перу которого принадлежит серия эпического фэнтези «КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ» (состоящая из 17 книг); серия бестселлеров № 1 «ЖУРНАЛ ВАМПИРА» (состоящая из 11 книг и их число растёт); серия бестселлеров № 1 «ТРИЛОГИЯ ВЫЖИВАНИЯ» – постапокалиптический триллер, включающий в себя две книги (и их число постоянно растёт); новая серия эпического фэнтези «КОРОЛИ И ЧАРОДЕИ» (состоящая из 2 книг и их число растёт); и новая серия эпического фэнтези «КОРОНЫ И СЛАВА». Книги Морган доступны в аудио форматах и печатных изданиях, ее книги переведены на более чем 25 языков.

Морган нравится получать от вас письма, поэтому, пожалуйста, не стесняйтесь посетить www.morganricebooks.com, чтобы присоединиться к списку рассылки, получить бесплатную книгу, бесплатные призы, скачать бесплатное приложение, получить самые последние эксклюзивные новости, связаться по Facebook и Twitter и оставаться на связи.

Избранные отзывы о Морган Райс

«КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ» содержит все ингредиенты для мгновенного успеха: заговоры, дворцовые интриги, тайны, доблестные рыцари, зарождающиеся отношения, которые сопровождаются разбитыми сердцами, обманом и предательством. Книга продержит вас в напряжении не один час и подойдет для любого возраста. Рекомендовано для постоянной библиотеки всех любителей фэнтези»

– *Books and Movie Reviews, Роберто Маммос*

"Мне очень понравилось, как Морган Райс построила персонаж Тора и мир, в котором он живёт. Пейзажи и населяющие их существа прекрасно описаны... Меня увлек сюжет... Он был коротким и убедительным... Идеально подобранное количество второстепенных персонажей не даёт запутаться. Там есть приключения и моменты, щекочущие нервы, но описанные события выглядят достоверно. Книга идеально подходит для подростков... Тут намечается что-то необыкновенное."

– *San Francisco Book Review*

«Увлекательное эпическое фэнтези».

– *Kirkus Reviews*

“Много действия ... Райс качественно пишет, и её истории интригуют.”

– *Publishers Weekly*

“Вдохновенная фэнтези ... Заявка на эпическую серию для юношества.”

– *Midwest Book Review*

Книги Морган Райс

ПУТЬ СТАЛИ

ТОЛЬКО ДОСТОЙНЫЙ (Книга № 1)

КОРОНА И СЛАВА

РАБЫНЯ, ВОИН, КОРОЛЕВА (Книга № 1)

КОРОЛИ И ЧАРОДЕИ

ВОСХОД ДРАКОНОВ (Книга № 1)

ВОСХОД ДОБЛЕСТИ (Книга № 2)

БРЕМЯ ЧЕСТИ (Книга № 3)

КУЗНИЦА ДОБЛЕСТИ (Книга № 4)

ЦАРСТВО ТЕНЕЙ (Книга № 5)

НОЧЬ ХРАБРЫХ (Книга № 6)

КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ

ГЕРОИ В ПОИСКАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ (Книга № 1)

МАРШ КОРОЛЕЙ (Книга № 2)

СУДЬБА ДРАКОНОВ (Книга № 3)

Слушайте серию «КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ» в аудиоформате!

Авторское право © 2014 Морган Райс

Все права защищены. Кроме случаев, разрешенных в соответствии с Законом США об авторском праве от 1976 года. Никакая часть данного издания не может быть скопирована, воспроизведена или передана в любой форме и любыми средствами, или сохранена в системе базы данных или поиска информации без предварительного разрешения автора.

Эта электронная книга лицензирована только для вашего личного пользования. Эта книга не может быть повторно продана или отдана другим лицам. Если вы хотите поделиться этой книгой с другим лицом, вам необходимо приобрести дополнительную копию для каждого получателя. Если вы читаете эту книгу, не купив ее, или она не была куплена только для вашего личного пользования, вы должны вернуть ее или приобрести свой собственный экземпляр. Спасибо за уважение к тяжелой работе этого автора.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, предприятия, организации, места, события и происшествия являются плодом воображения автора. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или мертвыми, является абсолютно случайным.

Права на изображение на обложке принадлежат Photosani, лицензия Shutterstock.com.

Джейку Мейнاردу

Настоящему воину

*"Ты идешь против меня с мечом и копьем и щитом, а я иду против
тебя во имя Господа, бога воинств израильских"*
– Давид и Голиаф
Самуил, 17:45

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Палуба под ногами Тора бешено раскачивалась, а он стоял и с ужасом смотрел перед собой, постепенно осознавая, что наделал. Его рука всё ещё сжимала Меч Мёртвых, а всего в паре дюймов от его лица было лицо его лучшего друга, Риса. Тот смотрел на него широко раскрытыми глазами, в которых читалась физическая боль и шок от его предательства. У Тора отчаянно затряслись руки, когда до него наконец дошло, что он только что заколол своего лучшего друга прямо в сердце, а теперь наблюдает за последними секундами его жизни.

Тор не мог понять, что произошло. Корабль бросало и кружило, и течение несло их дальше через Пролив Безумия, пока они наконец не выплыли из него с другой стороны. Волны уменьшились, судно выровнялось и густые клубы тумана начали рассеиваться, когда они одним последним усилием вырвались в тихие открытые воды.

Пелена, окутывавшая разум Тора, тоже спала, он снова стал прежним собой и начал ясно видеть мир вокруг. Он взглянул на Риса, и сердце его сжалось, когда он понял, что перед ним не враг, а лучший друг. Будучи в тисках у силы, которой он не мог противостоять, охваченный безумием, не поддающимся контролю, он совершил поистине ужасающий поступок.

"НЕТ!" – закричал Тор, и голос его надломился от горя.

Тор вытащил лезвие Меча Мёртвых из груди друга, и в ту же секунду Рис начал задыхаться и терять сознание. Тор отбросил меч в сторону, не желая больше никогда его видеть. Клинок с глухим стуком ударился о палубу, а Тор рухнул на колени и подставил руки под обмякшее тело Риса, твёрдо намерившись его спасти.

"Рис!" – окликнул он его, раздавленный виной.

Тор положил Риса на доски и прижал ладони к его ране, пытаясь остановить кровь. Но кровь текла у него сквозь пальцы, и он чувствовал, как жизненные силы Риса утекают вместе с ней.

Элден, Матус, Индра и Эйнджел бросились к ним – они тоже наконец-то пришли в себя после приступа безумия, и теперь столпились вокруг. Тор закрыл глаза и молился, чтобы его друг к нему вернулся и чтобы у него, Тора, появился шанс исправить свою ошибку.

Тор услышал шаги и, подняв глаза, увидел, что к ним спешит Селезия. Её лицо было как никогда бледным, а глаза сияли потусторонним светом. Она упала на колени рядом с Рисом и заключила его в объятия. Тор убрал руки от его раны, видя, как сияние окутывает её целиком, и вспоминая о её способностях целительницы.

Селезия подняла на Тора горящий взгляд.

"Только ты способен его спасти", – сказала она решительно. "Положи ладонь на его рану. Ну же!"

Тор коснулся ладонью груди Риса, а Селезия положила свою ладонь сверху. Он почувствовал, как по её руке прошла волна жара, передалась ему, а затем – в рану Риса.

Она закрыла глаза и начала что-то бормотать, и Тор ощутил, как жар наполняет тело его друга. Тор молил небеса, чтобы тот ожил, чтобы смог простить его за преступление, совершенное под чарами безумия.

К огромному облегчению Тора, Рис медленно открыл глаза. Он несколько раз моргнул и посмотрел на небо, а затем кое-как приподнялся и сел.

Тор изумлённо наблюдал за Рисом, который с недоумением взглянул туда, где только что была рана. От неё не осталось и следа. Тор потерял дар речи, потрясённый силами Селезии.

"Брат!" – воскликнул Тор.

Он нагнулся и обнял его, и Рис, медленно приходящий в себя, обнял его в ответ. Тор помог ему подняться на ноги.

"Ты жив!" – воскликнул Тор, не смея поверить в это, обнимая Риса за плечи.

Тор думал обо всех битвах, через которые они прошли вместе, обо всех их приключениях, и внутренне содрогался от одной мысли о том, что мог его потерять.

"А почему бы мне не быть живым?" – спросил Рис, растерянно моргая. Он смотрел на удивлённые лица своих товарищей по Легиону, и не понимал, в чём дело. Остальные подошли к нему ближе и по очереди заключили в объятия.

Тор тем временем пересчитал своих спутников и внезапно с ужасом понял, что кого-то не хватает. О'Коннора.

Тор поспешил к борту и стал всматриваться в бушующие волны, вспомнив от том, как О'Коннор, на пике безумия, спрыгнул с корабля в пучину.

"О'Коннор!" – крикнул он.

Остальные бросились к нему и тоже стали высматривать друга. Тор, вытянув шею, оглядывался на Пролив, на бурлящие, густые, как кровь, красные воды, и заметил О'Коннора, который барахтался у самого входа в туннель, затягиваемый течением внутрь.

Тор не терял времени. Повинуясь инстинктам, он вспрыгнул на поручень и нырнул вниз головой в море.

Вода оказалась неожиданно густой и горячей, как настоящая кровь, и плыть в ней было не легче, чем в болоте.

Тору понадобились все его силы, чтобы пробиться сквозь коварную толщу воды обратно на поверхность. Он нашёл взглядом О'Коннора и увидел панику в его глазах – тот начинал тонуть. Стоило ему оказаться в открытых водах, как рассудок вернулся к нему, и он начал осознавать, что происходит.

Как бы ни пытался О'Коннор грести, ему не удавалось удержаться над водой, и Тор знал, что, если он не доберется до него вовремя, его друг окажется на дне Пролива и не вернется уже никогда.

Тор удвоил усилия, и плыл на пределе возможностей, преодолевая изнеможение и резкую боль в плечах. Он подплыл к О'Коннору как раз в ту секунду, когда тот целиком погрузился под воду.

Увидев, как его друг исчезает в море, Тор ощутил выброс адреналина. Он должен был действовать – сейчас или никогда. Он рванул вперёд, нырнул туда, где только что был О'Коннор, и оттолкнулся ногами, погружаясь на глубину. Он хотел было открыть глаза, но не смог – жидкость вокруг была слишком густой и больно жгла.

Тогда он зажмурился и доверился своему чутью, призвав на помощь спящую глубоко внутри способность видеть сердцем.

С ещё одним отчаянным рывком, Тор снова вытянул руки перед собой, на удачу прощупывая воду впереди, и на этот раз за что-то ухватился. Это был рукав.

Обрадованный, он подтащил О'Коннора к себе и плотно обхватил за пояс. Тот оказался неожиданно тяжёлым, и оба камнем пошли ко дну.

Не выпуская товарища, Тор умудрился развернуться и из последних сил устремился обратно к поверхности. Каждый его мускул горел от напряжения, всё его тело протестовало, но он брыкался, отталкивался, и плыл к свободе. Вода была такой густой и тяжёлой, что Тору казалось, будто его лёгкие сейчас взорвутся от давления. Каждый гребок давался ему с таким трудом, будто он тащил на себе весь мир.

Когда он уже решил, что не справится и канет в небытие вместе с О'Коннором в этом жутком месте, вода над ним внезапно расступилась. Жадно хватая воздух ртом, он оглянулся по сторонам и с облегчением заметил, что они вынырнули по другую сторону Пролива Безумия, в открытом море. Голова О'Коннора тоже показалась над поверхностью, он пришёл в себя и начал отплёвываться, и облегчение Тора стало полным.

Тор смотрел, как безумие покидает его друга и уступает место его обычному ясному разуму.

О'Коннор несколько раз моргнул, откашлялся, отдышался и вопросительно посмотрел на Тора.

"Что мы здесь делаем?" – спросил он растерянно. "Где мы?"

"Торгрин!" – позвал кто-то сверху.

Тор услышал всплеск, обернулся и увидел, что рядом с ним в воду упала толстая верёвка. Он поднял голову и увидел Эйнджел и остальных, стоявших у перил на палубе корабля. Они плыли к Тору и О'Коннору, чтобы их подобрать.

Тор одной рукой схватился за верёвку, другой крепче перехватил друга, и Элден на другом конце мощными рывками начал поднимать их вдоль борта. Другие воины Легиона присоединились к нему и стали тянуть все вместе, поднимая Тора с его ношей всё выше и выше в воздух. Наконец они оба перевалились через борту и с громким стуком приземлились на палубу.

Тор, измученный, запыхавшийся, всё ещё плюющийся морской водой, растянулся на досках рядом с О'Коннором и поймал на себе его усталый, но благодарный взгляд. Слова были не нужны – Тор всё понял. У них были свои негласные знаки. Они были братьями по Легиону. Жертвовать собой за друга было для них обычным делом. Ради этого они и жили.

Вдруг О'Коннор расхохотался.

Поначалу Тор испугался было, что безумие одолело его вновь, но потом он понял, что с О'Коннором всё было в порядке. Он просто опять стал самим собой. Это был смех от облегчения, от радости возвращения к жизни.

Тор тоже засмеялся, ощущая, что самое страшное миновало, и остальные последовали его примеру. Они выжили. Ни смотря ни на что, они выжили.

Остальные воины Легиона обступили Тора и О'Коннора и поставили их на ноги. Они пожимали друг другу руки и весело обнимались, пока их корабль по гладкому и спокойному морю плыл вперёд.

Ветер надувал паруса и нёс корабль всё дальше и дальше от Пролива. Тор убедился, что все его спутники снова в здравом уме, и на душе у него стало легко. У них получилось. Они прошли сквозь Пролив, хоть это и дорого им далось. При этом, Тор отдавал себе отчет в том, что повторно такого путешествия они не выдержат.

"Смотрите!" – воскликнул Матус.

Все обернулись и посмотрели туда, куда он показывал. У них перехватило дух. На горизонте перед ними открылся новый вид на Землю Крови. Мрачный пейзаж по-прежнему состоял из тёмных облаков, висевших низко над густым кровавым морем, только теперь очертания берега стали ближе и различимей. Он был чёрным, безжизненным, лишённым всякой растительности, и походил на смесь пепла и грязи.

Сердце Тора забило чаще, когда там, вдалеке, он увидел чёрный замок, чьи стены, тоже, по всей видимости, сделанные из земли, пепла и пыли, вырастали из берега так, будто были с ним одним целым. Тор чувствовал исходящее оттуда зло.

К замку вёл узкий канал, подсвеченный с обеих сторон рядами факелов и заканчивавшийся откидным мостом. Когда в окнах замка Тор тоже увидел огни, его охватила внезапная уверенность: всем своим естеством он ощутил, что Гувейн был внутри и ждал его.

"Полный вперёд!" – крикнул Тор. Он вновь обрёл контроль над ситуацией и точно знал свою цель.

Его братья ринулись выполнять приказ, поднимая паруса выше, ловя в них мощный бриз, который толкал их сзади и стремительно увлекал их вдаль. Впервые с тех пор, как они попали в Землю Крови, в Торе проснулся оптимизм и надежда на то, что они действительно смогут найти его сына и вызволить его отсюда.

"Я рада, что ты жив", – раздался голос.

Тор обернулся, посмотрел вниз и увидел улыбающуюся Эйнджел, вцепившуюся в подол его рубахи. Он улыбнулся ей в ответ, присел рядом и обнял её.

"А я рад, что с тобой всё в порядке", – ответил он.

"Я не понимаю, что произошло", – сказала она. "Я была самой собой, а потом, в следующую секунду... будто потеряла себя".

Тор медленно покачал головой, стараясь забыть.

"Безумие – худший враг", – сказал он. "Непобедимые чудовища у нас внутри".

Она озабоченно нахмурилась.

"Такое ещё будет? В этом месте есть ещё что-то похожее?" – спросила она, переведя взгляд на горизонт, и голос её дрогнул.

Тор проследил за её взглядом и задал себе тот же вопрос. Ответ обрушился на него намного раньше, чем он мог ожидать.

С громким всплеском, похожим на звук всплывающего кита, перед Тором из воды возникло самое невероятное существо из всех, которых он когда либо видел. Кальмароподобный монстр пятидесяти футов в длину, кроваво-красный, как и вода, навис над кораблём, выпустив во все стороны дюжины тридцатиметровых щупалец. Его жёлтые глаза-бусины яростно сверкали, а огромная пасть с острыми коричневыми клыками с мерзким бульканьем открывалась всё шире. Чудовище закрыло собой и без того тусклый мрачного неба, исторгло потусторонний вопль и начало опускаться на Тора и его спутников и тянуть к ним свои щупальца, готовясь проглотить всё судно целиком.

Тор застыл от ужаса в тени монстра, понимая, что их недавнее спасение лишь ненадолго отсрочило неминуемую гибель.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Имперский командир снова и снова хлестал своего зерта, рассекая Великую Пустошь, идя по следу уже много дней подряд. За ним скакали его люди, измученные до предела этой гонкой, в которой он не давал им ни единой передышки, даже ночью. Он знал, как выжать максимум и из зертгов, и из людей.

Он не знал жалости не только к своим людям, но и к себе самому. Ему хотелось думать, что они неуязвимы ни для жары, ни для холода, ни для усталости – особенно во время такой священной миссии, как эта. Ведь если след действительно вёл туда, куда он рассчитывал, а именно – к легендарному Перевалу, то это могло в корне изменить судьбу всей Империи.

Командир впивался каблуками в спину зерта так сильно, что зверь взвизгивал от боли и начинал нестись ещё быстрее, спотыкаясь и едва не кувыркаясь через себя. Он шурился от солнца и всматривался в почти незаметную тропу. За свою карьеру он прошёл по множеству следов и убил несчётное число людей, но никогда прежде не испытывал такого возбуждения, как сейчас. Он чувал, что близок к величайшему открытию в истории Империи. Его имя должно было отпечататься в памяти поколений.

Они перевалили через пологий холм, и до ушей командира долетел слабый, мало по малу нарастающий шум, будто в пустыне собиралась буря. Он вытянул шею и вгляделся вдаль, ожидая увидеть надвигающийся песчаный вихрь, но вместо этого, к своему глубокому шоку, обнаружил стоящую на месте стену песка, поднимавшуюся из земли примерно в ста ярдах от их отряда и тянущуюся высоко к небу, бурлящую и струящуюся, будто торнадо на привязи.

Он и его подчинённые остановились и с любопытством разглядывали странную находку. Стена не двигалась. Это было непостижимо. Бешеный вихрь кружился на месте и не приближался. Командир гадал, что могло быть по другую его сторону. Что-то ему подсказывало, что там и был Перевал.

"Ваш след обрывается", – раздражённо заметил один из его солдат.

"Мы не сможем пройти сквозь эту стену", – сказал другой.

"Вы пригнали нас к новой куче песка", – добавил третий.

Командир медленно покачал головой и презрительно скривился им в ответ.

"А что если то, что мы ищем, находится за этой стеной?" – возразил он.

"За стеной?" – спросил солдат. "Вы спятили. Это облако песка и ничего больше, а за ним – такая же бесконечная пустошь, как и перед".

"Признайте своё поражение", – сказал другой солдат. "Поворачивайте назад. Или мы сами повернём, без вас".

Командир повернулся к своим подчинённым, возмущённый их дерзостью, и увидел недовольство в их глазах. Назревал бунт. Он понимал, что должен действовать быстро, что его подавить.

В припадке внезапной ярости, командир выхватил с пояса кинжал, замахнулся и одним быстрым движением вогнал его в горло солдата по рукоять. Тот засипел и свалился с зерта, а под ним на песке тут же образовалось лужа свежей крови. В мгновение ока из ниоткуда возник рой насекомых, которые тут же облепили тело и немедленно сожрали его.

Теперь остальные солдаты смотрели на командира с опаской.

"Есть ещё кто-нибудь, кто желает послушаться моего приказа?" – спросил он.

Его люди нервно переглянулись и на это раз промолчали.

"Или вас убьёт пустыня, – подытожил он, – или это сделаю я. Выбирайте сами".

Командир сорвался с места и, низко нагнув голову, понёсся вперёд. С громким боевым кличем он направил зерта прямо в песчаную стену, осознавая, что, вполне вероятно, встретит свою смерть. Он не сомневался, что его люди последуют за ним, и, мгновение спустя, услышал

пыхтение их зертов за спиной. Он удовлетворённо ухмыльнулся. Их просто нужно было иногда ставить на место.

Он взвыл, как только въехал в песчаное торнадо. Казалось, что миллиону песчинок сами устремились к нему и начали дырять кожу со всех сторон, тем сильнее, чем дальше он скакал. Шум вокруг был таким громким, будто тысяча горнов одновременно трубила ему в уши, но он всё равно подгонял своего зерта, не позволяя тому остановиться, как бы тот ни протестовал. Они углублялись. Песок царапал его макушку, лицо, глаза, и он чувствовал себя так, будто его вот-вот разорвёт в клочья.

Но он скакал дальше.

Когда ему уже начало казаться, что его люди были правы, и стена никуда не вела, а значит, им всем было суждено здесь погибнуть, песок внезапно расступился, к огромному облегчению командира, он снова вырвался к дневному свету. Жалящий песок и оглушающий шум остались позади, и вокруг было только открытое чистое небо, которому он так радовался впервые в жизни.

За ним показались его люди – исцарапанные и окровавленные, как и он сам. И солдаты, и зерты выглядели еле живыми, но обошлось без потерь.

Стоило командиру поднять голову, как его сердце забилося чаще. Он резко остановился, потрясённый открывшимся зрелищем. У него перехватило дух, и грудь его гордо раздулась от ощущения собственного триумфа. Перед ним в облака кольцом поднимались величественные пики, и это могло означать только одно: они достигли Перевала.

Высокий, сияющий, простиравшийся насколько хватало глаз, он стоял перед ними во всей красе. А на его вершине в лучах солнца сверкали доспехи тысяч патрульных рыцарей.

Он нашёл его. Один из всех, он нашёл его.

Его люди потянули на себя поводья своих зертов и замерли рядом с ним, открыв рты, в благоговейном ужасе и изумлении, думая о том же, о чём и их командир – этот момент войдёт в историю. Все они станут героями и о них сложат песни и оды, которые останутся в памяти имперцев на вечные времена.

С широкой улыбкой командир победно обернулся к своим людям, и они ответили ему почтительными взглядами. Затем он дёрнул поводья, развернул зерта и приготовился снова проскакать сквозь песчаную стену и дальше, без остановок, весь путь обратно, пока не доберётся до штаба Империи и лично не доложит Рыцарям Семёрки о своей находке. Он был уверен, что в считанные дни все силы Империи обрушатся на это место, и оно падёт под напором миллионных войск. Имперцы пройдут сквозь песчаную стену, взберутся на Перевал, уничтожат всех рыцарей и наконец захватят последнюю независимую территорию на материке.

"Бойцы", – обратился он к своим соратникам. "Пришло наше время. Приготовьтесь высечь свои имена в вечности".

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Кендрик, Брандт, Атме, Колдо и Людвиг шли по Великой Пустоши под только что выкашившимися на небо двумя солнцами. Не жалея ног, они шли так всю ночь, твёрдо намеренные спасти юного Кейдена. Они не разговаривали, а только шагали в ритм, держа руки на рукоятках мечей и мрачно вглядываясь в тропинку следов, оставленных пустынными кочевниками. Сотни отпечатков ног вели их всё дальше и дальше по безжизненному ландшафту.

Кендрику начало казаться, что это никогда не закончится. Он поражался тому, как снова оказался в таком же положении, как и первый свой поход по пустыне. Он тогда поклялся себе, что больше не ступит на землю Пустоши, тем более – без транспорта, без провизии и без способов вернуться. Они полностью доверились другим рыцарям Перевала, надеясь, что те вернутся с лошадьми, потому что иначе их поход был обречен на провал.

Но воинская доблесть диктовала поступить так, и никак иначе, и Кендрик это знал. Кейден, подающий надежды юный воин с храбрым сердцем, остался дин в карауле и, пока все спали, бесстрашно отправился в пустыню, чтобы доказать, что достоин быть в отряде. Там его и похитили дикие обитатели Пустоши. Колдо и Людвиг не смогли бросить младшего брата на произвол судьбы, какими бы призрачными ни были их шансы, а Кендрик, Брандт и Атме не смогли оставить их одних. Их влекло чувство долга – славные рыцари Перевала радушно приняли их тогда, когда они больше всего в этом нуждались, и теперь настало время отплатить услугой за услугу, любой ценой. Смерть для Кендрика была пустым звуком, а честь – главным смыслом жизни.

"Расскажи мне о Кейдене", – попросил Кендрик, оборачиваясь к Колдо, желая нарушить тишину и немного отвлечься.

Колдо поднял голову, вздохнул и стал подбирать слова после долгого молчания.

"Он один из лучших молодых воинов, каких тебе доведётся встретить", – сказал он. "Его сердце доброе и отважное не по годам. Он с пелёнок стремился стать мужчиной, тянул руки к мечу даже тогда, когда ещё не мог его удержать".

Он покачал головой.

"Я не удивлён, что он в одиночку пошёл так далеко, и что его утащили первым из всех караульных. Он ни перед чем не отступал, особенно, когда был в ответе за других".

В разговор вступил Людвиг.

"Если бы похитили кого-нибудь из нас, – сказал он, – наш младший братишка первым бы вызвался нас спасти. Он моложе нас, но вобрал в себя все наши лучшие качества".

Кендрик и сам пришёл к такому выводу, когда беседовал с Кейденом. Он увидел в нём воинский дух, не смотря на его юный возраст. Кендрик всегда знал, что воином человека делают не годы, что с этим духом нужно родиться. В этом деле невозможно было солгать или притвориться.

Они пошли дальше, вновь погрузившись в молчание. Когда солнце поднялось выше, откашлялся и подал голос Брандт.

"А что это за пустынные кочевники?" – поинтересовался он у Колдо.

Колдо на ходу обернулся к нему.

"Злобные племена", – ответил он. "Полузвери-полулюди. Они известны тем, что патрулируют окрестности Песчаной Стены".

"Разбойники", – добавил Людвиг. "Они утаскивают своих жертв глубоко в пустыню".

"Куда?" – спросил Атме.

Колдо и Людвиг обменялись мрачными взглядами.

"К месту своего сборища, где они исполняют ритуалы и раздирают их на куски".

Кендрика передёрнуло от одной мысли о том, какая Кейдена ждала судьба.

"Тогда нам нельзя терять времени", – сказал Кендрик. "Побежали?"

Они переглянулись, воображая, какое им предстояло расстояние и как тяжело будет бежать в доспехах по раскалённой земле. Они понимали, что если неправильно рассчитают силы, то безжалостная пустыня им этого не простит.

Тем не менее, они ни секунды не сомневаясь пустились трусцой. Пот стекал по их лицам, пока они бежали в пустоту, зная, что если они не найдут Кейдена в самое ближайшее время, Пустошь заберёт их всех.

*

Кендрик бежал тяжело дыша, второе солнце уже стояло высоко в небе, ослепляло и обжигало своими лучами, но он, как и все остальные, не сбавлял скорости. Доспехи гремели на бегу, и пот ручьями тёк из-под забрала и вьедался Кендрику в глаза так, что он почти ничего не видел. Его лёгкие готовы были взорваться – никогда раньше он не подозревал, что можно так сильно хотеть просто глоток кислорода. Жар двух солнц был настолько испепеляющим, что, казалось, проникал под кожу и проходил всё тело насквозь.

Они могли долго протянуть на такой жаре и такой скорости, Кендрик понимал это. Все они должны были вот-вот свалиться от изнеможения и стать пищей для насекомых. Стервятники уже много часов подряд кружили и перекликивались над головой Кендрика, спускаясь всё ниже и ниже. Эти умные птицы всегда знали, где искать свежие трупы.

Кендрик всматривался в следы пустынных кочевников, по-прежнему уходившие бесконечной вереницей к горизонту, и у него в голове не укладывалось, как им удавалось так быстро передвигаться. Он молился о том, чтобы Кейден был всё ещё жив, и чтобы их усилия не были напрасны. Но, сам того не желая, он уже сомневался, что они вообще когда-нибудь его отыщут. Это было всё равно, что идти пешком через океан.

Кендрик бегло огляделся и увидел, что остальные тоже уже выдохлись, и больше спотыкались, чем продвигались вперёд, едва держась на ногах, но, как и он, не останавливались. Все понимали, что остановка для них будет означать мгновенную смерть.

Кендрику хотелось нарушить монотонную тишину, но у него не было сил, чтобы сейчас с кем-то заговорить, поэтому он сосредоточился на том, чтобы просто переставлять отяжелевшие ноги. Он боялся тратить остатки энергии даже на то, чтобы поднять глаза к горизонту, потому что знал, что не увидит там ничего, и что его участь уже предрешена. Он позволял себе смотреть только на тропу следов под ногами, и берёт каждую драгоценную каплю оставшихся жизненных сил.

Кендрик услышал какой-то шум, и сперва подумал, что у него просто разыгралось воображение, но шум повторился и стал разборчивей – он был похож на отдалённое жужжание пчелиного улья. Тогда Кендрик всё же заставил себя посмотреть вверх, одновременно пытаясь задушить в себе всякую глупую надежду.

Однако, на этот раз зрелище впереди заставило его сердце возбуждённо забиться: примерно в ста ярдах от них было сборище пустынных кочевников.

Кендрик потормошил своих спутников, и те тоже подняли головы. Шок от увиденного вернул их к реальности. Пришло время битвы.

Кендрик схватился за оружие, остальные последовали его примеру, и все они почувствовали знакомый прилив адреналина.

Дюжины пустынных кочевников тоже заметили их, обернулись и с дикими воплями бросились навстречу.

Кендрик высоко занёс меч и издал устрашающий боевой клич. Он был готов уничтожить всех врагов или погибнуть.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Гвендолин, в сопровождении верного Крона и Стеффена, шла по столице Перевала, мрачно опустив голову, и раздумывала над словами Аргона. Она, конечно, была рада, что он поправился и снова стал самим собой, но его судьбоносное пророчество звучало у неё в ушах, как проклятие, как кладбищенский колокольный звон, предвещавший её скорую гибель. Из его запутанных речей следовало, что им с Тором больше никогда не было суждено быть вместе.

Гвен сдержала выступившие было слёзы, ускорила шаг и решительно устремилась к башне. Она попыталась выбросит его слова из головы, не позволить пророчеству управлять своей жизнью. Она всегда была такой и сейчас собиралась остаться сильной. Будущее можно было прочесть, но она также чувствовала, что его можно и изменить. Она умела договариваться с судьбой. Нужно было только очень захотеть и не скупиться на цену.

Сейчас был как раз такой момент. Она ни за что не соглашалась отпускать Тора и Гувейна из своей жизни, чем дальше, тем упрямей она становилась. Она подчинить себе судьбу, чего бы ей это не стоило. Ни при каких обстоятельствах она не смирится с тем, что больше не увидит Тора и Гувейна.

Будто услышав её мысли, Крон заскулил и теснее прижался к её ногам. Очнувшись от своих мыслей, Гвен подняла глаза и прямо перед собой увидела круглую красную башню, возвышавшуюся в самом центре столицы – твердыню культа. Она поклялась Королю, что войдёт туда и попробует спасти его сына и дочь из лап этой секты и выведать у их лидера место нахождения древних книг, в которых, возможно хранился секрет спасения Перевала.

Когда Гвен подошла к башне совсем близко, сердце её громко заколотилось в ожидании предстоящего столкновения. Она хотела помочь Королю и Перевалу, но ещё больше хотела выбраться отсюда и отправиться на поиски Тора и Гувейна, пока ещё не было слишком поздно. Она мечтала, чтобы рядом с ней, как в былые времена, был дракон, чтобы Ралибар вернулся к ней и перенёс её в другой конец мира, к мужу и сыну. И чтобы они все вместе вернулись в Кольцо и зажили мирной жизнью, как раньше.

Но всё это было больше похоже на детские несбыточные мечты. Кольцо лежало в руинах, и Перевал был её единственным пристанищем. Ей нужно было принять реальность и сделать всё возможное для спасения этого места.

"Моя госпожа, можно мне сопровождать вас внутри башни?"

Гвен обернулась на голос, отвлекший её от навязчивых мыслей, и, к своему облегчению, увидела рядом своего старого друга Стеффена. Его рука привычно лежала на рукояти меча, и он не отставал от неё ни на шаг, как всегда готовый оградить её от любой опасности. Сколько она себя помнила, он всегда был её самым преданным советником, и теперь, глядя на него, она вновь ощутила прилив благодарности.

Когда Гвен остановилась у откидного моста, ведущего в башню, Стеффен посмотрел на него с подозрением.

"Не нравится мне это место", – сказал он.

Она успокаивающим жестом положила руку ему на запястье.

"Ты поистине верный друг, Стеффен", – ответила она. "Я очень дорожу твоей дружбой и преданностью, но это задача для меня одной. Я должна выяснить как можно больше, а твоё присутствие их насторожит. К тому же, – добавила она, услышав поскуливание леопарда у своих ног, – со мной будет Крон".

Гвен посмотрела вниз и кивнула своему четвероногому товарищу.

Стеффен не стал спорить.

"Я подожду вас здесь", – сказал он. "И если у вас возникнут трудности, я немедленно приду на помощь".

"Боюсь, что если в этой башне я не найду то, что мне нужно, – ответила она, – то серьёзные трудности появятся у всех нас".

*

Гвен вместе с Кроном медленно шли по откидному мосту, их шаги по деревянному настилу отдавались гулким эхом, а внизу, в просветах между досками, виднелась серебристая рябь на воде. Вдоль моста выстроившись в две линии стояли монахи – молчаливые, спокойные, внимательные. Их руки были спрятаны в карманы алых ряс, а глаза – прикрыты. Это был весьма необычный отряд стражников – они были безоружны, чрезвычайно смиренны и не знали усталости. Гвен поразились их преданности своему лидеру и поняла наконец, что имел в виду Король, когда говорил, что они почитали его, как божество. Она стала гадать, во что ввязалась.

Пройдя дальше, Гвен подняла взгляд на нависшие над ней огромные арочные двери из старинного дуба, испещрённые неизвестными ей символами, и несколько монахов тут же распахнули их перед ней. Створки со скрипом разъехались и открыли мрачные, освещённые редкими факелами, внутренности башни, откуда потянуло сыростью, прохладой и едва уловимым запахом ладана. Крон у её ног напрягся и зарычал, но Гвен невозмутимо переступила порог и услышала, как двери захлопнулись у неё за спиной.

Эхо от хлопка многократно отразилось от стен, и Гвен понадобилось пару мгновений, чтобы собраться с духом. Тусклый свет факелов смешивался с расцвеченными лучами солнца, проникавшими сквозь витражи высоко под потолком, воздух был неподвижным, тишина казалась торжественной, и Гвен ощутила, что попала в храм.

Гвен запрокинула голову и увидела, что башня тянулась вверх, насколько хватало глаз. Центральную её часть занимала спиральная лестница с широкими площадками между этажами, окон на нижних уровнях не было, а сквозь стены доносились слабые отголоски не то песнопений, не то молитв. В густой дымке благовоний появлялись и исчезали монахи, бродившие из кельи в келью, будто в каком-то трансе. Некоторые из них размахивали кадилами, другие что-то бормотали себе под нос, а третьи молчали и казались потерянными глубоко в своих размышлениях. В Гвен нарастало любопытство относительно природы этого культа.

"Вас прислал мой отец, так?" – раздался неожиданный вопрос.

Пойманная врасплох Гвен резко обернулась и в нескольких шагах от себя увидела мужчину в алой мантии и с дружелюбной улыбкой на лице. Он был невероятно похож на своего отца – Короля.

"Я предвидел, что рано или поздно он пришлёт кого-нибудь", – сказал Кристоф. "Он не прекращает своих попыток меня вернуть. Проходите, пожалуйста", – он отступил в сторону и жестом поманил её за собой.

Гвен приняла приглашение и пошла за ним каменному коридору с арочными сводами, который, описывая плавные круги, вёл к верхним уровням башни. Гвен была сбита с толку: она ожидала увидеть сумасшедшего монаха, религиозного фанатика, но никак не такого приятного и гостеприимного молодого человека, находившегося, судя по всему, в здравом уме. Кристоф вовсе не выглядел потерянным или сбившимся с пути, каким его хотел выставить собственный отец.

"Ваш отец хочет вас видеть", – сказала наконец Гвен, нарушив тишину после того, как мимо них в противоположном направлении не поднимая глаз прошёл другой монах. "Он попросил меня привести вас домой".

Кристоф покачал головой.

"Такой уж это человек", – ответил он. "Думает, что нашёл единственно возможный дом в мире. Но я понял кое-что другое, – добавил он, поворачиваясь к ней лицом, настоящий дом можно обрести не один раз".

Он вздохнул, и они продолжили путь. Гвен ничего не сказала, не желая давить на него с самого начала.

"Мой отец ни за что не примет того, кем я стал", – всё же добавил её собеседник. "Никогда не поймёт. Он застрял в своих устаревших, ограничивающих взглядах, и хочет навязать их мне. Но я – не он, и не потерплю подобного".

"Вы не скучаете по своей семье?" – спросила Гвен, удивлённая тем, что кто-то может стремиться провести всю жизнь в башне.

"Скучаю", – неожиданно честно ответил он. "Очень. Моя семья значит для меня всё, но моё духовное призвание – ещё больше. Отныне мой дом здесь". Он свернул в боковой коридор, и Гвен последовала за ним. "Теперь я служу Эдольфу. Он – моё солнце. Если бы вы его узнали", – он остановился и посмотрел Гвен в глаза с пугающей страстью, – он бы стал и ваши тоже".

Гвен отвела взгляд. Этот приступ фанатизма был ей не по душе.

"Я служу только сама себе", – ответила она.

Кристоф улыбнулся.

"Видимо, это и есть причина всех ваших мирских тревог", – сказал он. "Никому не удаётся жить так, чтобы не служить другим. Даже сейчас вы не себе служите".

Гвен взглянула на него с подозрением.

"Что вы имеете в виду?"

"Даже когда вам кажется, что вы служите сами себе, Гвен вместе с Кроном медленно шли по откидному мосту, их шаги по деревянному настилу отдавались гулким эхом, а внизу, в просветах между досками, виднелась серебристая рябь на воде. Вдоль моста выстроившись в две линии стояли монахи – молчаливые, спокойные, внимательные. Их руки были спрятаны в карманы алых ряс, а глаза – прикрыты. Это был весьма необычный отряд стражников – они были безоружны, чрезвычайно смиренны и не знали усталости. Гвен поразились их преданности своему лидеру и поняла наконец, что имел в виду Король, когда говорил, что они почитали его, как божество. Она стала гадать, во что ввязалась.

Пройдя дальше, Гвен подняла взгляд на нависшие над ней огромные арочные двери из старинного дуба, испещрённые неизвестными ей символами, и несколько монахов тут же распахнули их перед ней. Створки со скрипом разъехались и открыли мрачные, освещённые редкими факелами, внутренности башни, откуда потянуло сыростью, прохладой и едва уловимым запахом ладана. Крон у её ног напрягся и зарычал, но Гвен невозмутимо переступила порог и услышала, как двери захлопнулись у неё за спиной.

Эхо от хлопка многократно отразилось от стен, и Гвен понадобилось пару мгновений, чтобы собраться с духом. Тусклый свет факелов смешивался с расцвеченными лучами солнца, проникавшими сквозь витражи высоко под потолком, воздух был неподвижным, тишина казалась торжественной, и Гвен ощутила, что попала в храм.

Гвен запрокинула голову и увидела, что башня тянулась вверх, насколько хватало глаз. Центральную её часть занимала спиральная лестница с широкими площадками между этажами, окон на нижних уровнях не было, а сквозь стены доносились слабые отголоски не то песнопений, не то молитв. В густой дымке благовоний появлялись и исчезали монахи, бродившие из кельи в келью, будто в каком-то трансе. Некоторые из них размахивали кадилами, другие что-то бормотали себе под нос, а третьи молчали и казались потерянными глубоко в своих размышлениях. В Гвен нарастало любопытство относительно природы этого культа.

"Вас прислал мой отец, так?" – раздался неожиданный вопрос.

Пойманная врасплох Гвен резко обернулась и в нескольких шагах от себя увидела мужчину в алой мантии и с дружелюбной улыбкой на лице. Он был невероятно похож на своего отца – Короля.

"Я предвидел, что рано или поздно он пришлёт кого-нибудь", – сказал Кристоф. "Он не прекращает своих попыток меня вернуть. Проходите, пожалуйста", – он отступил в сторону и жестом поманил её за собой.

Гвен приняла приглашение и пошла за ним каменному коридору с арочными сводами, который, описывая плавные круги, вёл к верхним уровням башни. Гвен была сбита с толку: она ожидала увидеть сумасшедшего монаха, религиозного фанатика, но никак не такого приятного и гостеприимного молодого человека, находившегося, судя по всему, в здравом уме. Кристоф вовсе не выглядел потерянным или сбившимся с пути, каким его хотел выставить собственный отец.

"Ваш отец хочет вас видеть", – сказала наконец Гвен, нарушив тишину после того, как мимо них в противоположном направлении не поднимая глаз прошёл другой монах. "Он попросил меня привести вас домой".

Кристоф покачал головой.

"Такой уж это человек", – ответил он. "Думает, что нашёл единственно возможный дом в мире. Но я понял кое-что другое, – добавил он, поворачиваясь к ней лицом, настоящий дом можно обрести не один раз".

Он вздохнул, и они продолжили путь. Гвен ничего не сказала, не желая давить на него с самого начала.

"Мой отец ни за что не примет того, кем я стал", – всё же добавил её собеседник. "Никогда не поймёт. Он застрял в своих устаревших, ограничивающих взглядах, и хочет навязать их мне. Но я – не он, и не потерплю подобного".

"Вы не скучаете по своей семье?" – спросила Гвен, удивлённая тем, что кто-то может стремиться провести всю жизнь в башне.

"Скучаю", – неожиданно честно ответил он. "Очень. Моя семья значит для меня всё, но моё духовное призвание – ещё больше. Отныне мой дом здесь". Он свернул в боковой коридор, и Гвен последовала за ним. "Теперь я служу Эдольфу. Он – моё солнце. Если бы вы его узнали", – он остановился и посмотрел Гвен в глаза с пугающей страстью, – он бы стал и ваши тоже".

Гвен отвела взгляд. Этот приступ фанатизма был ей не по душе.

"Я служу только сама себе", – ответила она.

Кристоф улыбнулся.

"Видимо, это и есть причина всех ваших мирских тревог", – сказал он. "Никому не удаётся жить так, чтобы не служить другим. Даже сейчас вы не себе служите".

Гвен взглянула на него с подозрением.

"Что вы имеете в виду?"

"Когда вам кажется, что вы служите сами себе, – ответил он, – вы находитесь во власти заблуждения. Человек, которому вы служите, это не *вы* истинная, а образ, вылепленный вашими родителями. Вы служите *им* и всем устаревшим взглядам, которые они получили от своих предков. Когда вам доставало смелости отбросить все эти условности и служить себе по-настоящему?"

Гвен нахмурилась, не проникшись его философией.

"А чьи же взгляды мне следует взять взамен?" – поинтересовалась она. "Эдольфа?"

Он покачал головой.

"Эдольф – всего лишь проводник", – ответил он. "Он помогает избавиться от оков вашего прошлого я. Помогает найти своё предназначение, вернуться к своей истинной сущности и

служить ей. Вы не откроете её для себя, пока не освободитесь от своей ложной личности. Именно это и делает Эдольф: освобождает нас всех".

Гвендолин заглянула в его сверкающие глаза и увидела всю его преданность. Эта преданность её напугала. Она сразу поняла, что никакие доводы на него не подействуют, и что он никогда не покинет это место.

У неё мурашки побежали по коже, когда она представила себе сети, в которые Эдольф заманил всех этих людей, все эти ловушки дешёвых измышлений со своей причудливой внутренней логикой. Гвен не хотела больше этого слушать. Она была намерена не попасться в эту липкую паутину.

Судорожно передёрнув плечами, будто стряхивая с себя какой-то морок, Гвен отвернулась от Кристофа и продолжила путь вверх вдоль парапета, описывая круги вокруг башни и поднимаясь всё выше, что бы там её ни ожидало. Кристоф вскоре догнал её.

"Я пришла не для того, чтобы оспаривать преимущества вашего культа", – сказала Гвендолин. "Мне не удастся убедить вас вернуться к отцу. Я обещала ему попросить вас об этом, и сдержала своё обещание. Если вы не дорожите своей семьёй, едва ли я смогу вас этому научить".

Кристоф ответил ей мрачным взглядом.

"А вы полагаете, что мой отец дорожит своей семьёй?" – спросил он.

"Именно так", – ответила она. "Я сужу по тому, что мне довелось увидеть".

Кристоф покачал головой.

"Давайте-ка я вам кое-что покажу".

Кристоф взял её под локоть и подтолкнул к повороту налево, в другой коридор, кончавшийся длинный лестничным пролётом, ведущим круто вверх и упиравшимся в толстую дубовую дверь. Он многозначительно посмотрел на свою спутницу, а затем отворил дверь, за которой оказалась железная решётка.

С любопытством и лёгким опасением, Гвен приблизилась к решётке и посмотрела сквозь прутья. Она ужаснулась, увидев юную красивую девушку, сидевшую в полном одиночестве в каменной келье. Её длинные волосы ниспадали на лицо, а голова была повернута в сторону единственного окна. Хоть глаза её и были широко открыты, она будто не заметила присутствия посторонних.

"Вот как мой отец заботится о своей семье", – сказал Кристоф.

Гвен недоумённо посмотрела в ответ.

"О своей семье?" – спросила она потрясённо.

Кристоф кивнул.

"Катрин. Ещё одна его дочь. Та, которую он прячет от всего мира. Её заперли здесь, в этой камере. Почему? Потому что она не в себе. Потому что она недостаточно совершенна для него. Потому что он её стыдится".

Гвен замолчала, и внутри у неё всё заныло. Она грустно смотрела на девушку и хотела ей помочь. Теперь она начала сомневаться в непогрешимости Короля и подумала, что в словах Кристофа могла быть доля правды.

"Эдольф ценит семью", – продолжил Кристоф. "Он бы никогда не бросил свою родню. Он ценит наши *истинные* я. Здесь ни от кого не отвернутся, устыдившись. Здесь нет места яду гордыни. К тому же, блаженные ближе других к своему истинному я".

Кристоф вздохнул.

"Когда вы познакомитесь с Эдольфом, – сказал он, – вы поймёте. Он единственный в своём роде, таких никогда не было и не будет".

Гвен увидела фанатичный блеск в его глаза и ещё раз убедилась, что он навсегда увяз в этом месте, в этом культе, и зашёл слишком далеко, чтобы когда-нибудь вернуться к Королю. Затем она обернулась и бросила взгляд на заточённую в камере королевскую дочь, и сердце

её переполнилось сочувствием к ней, ко всему королевству, к этой раздробленной семье. Её идиллические представления о Перевале и образцовой королевской семье развеялись как дым. У этого места, как и у любого другого, была своя тёмная изнанка. Здесь кипела невидимая битва, битва убеждений и вер.

Гвен понимала, что в этой битве ей не победить. Да у неё и не было на это времени. Она подумала о своей разрушенной семье, и её потребности спасти сына и мужа усилилась. Голова её шла кругом от этого места, от густого запаха ладана, от недостатка света, мешавшего ориентироваться, и ей захотелось как можно скорее получить необходимое и сбежать. Ей пришлось приложить усилие, чтобы просто вспомнить, зачем она сюда пришла: выполнить свою клятву перед Королём и спасти Перевал.

"Ваш отец считает, что башня таит секрет", – сказал Гвен, переходя сразу к сути. "Секрет, который сможет спасти Перевал и ваш народ".

Кристоф улыбнулся и скрестил пальцы.

"Мой отец и его фантазии", – пробормотал он.

"Вы хотите сказать, что это не так?", – спросила она. "Что никакой древней книги не существует?"

Он сделал паузу, отвёл глаза в сторону, глубоко вздохнул и надолго умолк. Наконец, он продолжил.

"Что следует открыть вам и когда – это не мне решать", – сказал он. "Только Эдольф сможет ответить на ваши вопросы".

Гвен поняла, что должна идти до конца.

"Вы можете отвести меня к нему?"

Кристоф улыбнулся, развернулся к ней спиной и зашагал по коридору.

"Безусловно", – ответил он, быстро удаляясь. "Мотылёк сам летит на огонь".

ГЛАВА ПЯТАЯ

Стара стояла на шаткой платформе, пытаясь не смотреть вниз, пока её тянули всё выше вверх. С каждым рывком верёвки перед ней открывался вид на Перевал. Сердце её бешено колотилось, а скрытый под капюшоном лоб щекотали струйки пота – частично от переживаний, а частично – от поднимавшейся пустынной жары. Едва рассвело, но на высоте уже нечем было дышать. Вокруг неё скрипели верёвки, натужно кряхтели механизмы, крутились колёса, а солдаты продолжали поднимать платформу, даже не подозревая о том, кто на ней стоял.

Вскоре всё замерло, и единственным звуком стал свист ветра у неё в ушах. От открывшейся панорамы захватывало дух, и ей показалось, что она стоит на вершине мира.

Перед глазами пронесли картинки недавнего прошлого. Стара вспомнила, как впервые оказалась на Перевале, сразу после Великой Пустоши, компании Гвендолин, Кендрика и других изгнанников, большинство из которых были на пороге смерти. Она понимала, каким везением было выжить. В тот момент Перевал стал для них великим даром судьбы, надеждой на спасение.

Однако, сейчас она готова была его покинуть, снова спуститься с Перевала по дальней его стороне и направиться в пустыню, навстречу почти неминуемой гибели. Рядом с ней бил копытами её конь, и его подковы звонко стучали о деревянный настил. Она протянула руку и успокаивающе потрепала его по гриве. Этот конь был её шансом, её билетом в большой мир. Благодаря ему её обратный путь через Великую Пустошь должен быть стать совсем другим.

"Что-то я не припомню никаких указаний на счёт вашего визита", – раздался грубоватый голос солдата.

Стара замерла, зная, что это относится к ней.

"Тогда мне придётся поговорить об этом с вашим командиром лично, а затем – со своим кузеном, Королём", – уверенно парировал Физе, стоявший рядом с беглянкой. Он звучал на редкость убедительно.

Стара знала, что он лжёт, и знала, чем он рискует ради неё. Она была безмерно благодарна ему за это. Физе удивил её, когда сдержал слово и сделал всё, что было в его силах, как и обещал, чтобы помочь ей выбраться с Перевала и дать ей шанс отыскать своего любимого мужчину, Риса.

Рис. При мысли о нём сердце Стары разрывалось от боли. Она решилась покинуть безопасное убежище, пересечь Великую Пустошь, переплыть океаны, обойти вокруг земли ради единственной возможности сказать ему, как сильно она его любит.

Пусть Старе и не хотелось подвергать Физе опасности, ей это было необходимо. Ей нужно было поставить на кон всё, чтобы спасти любимого. Она не могла спокойно сидеть на Перевале, каким бы изобильным, величественным и безопасным он ни был. По крайней мере, пока не найдёт Риса.

Калитка в железной решётке, ограждавшей платформу, со скрипом отворилась, Физе взял её под руку и помог сойти. Капюшон по-прежнему надёжно скрывал её лицо, и эта маскировка пока работала. Они ступили с деревянной платформы на твёрдый камень вершины Перевала. Завывающий ветер был настолько силен, что почти сбивал её с ног, вынуждая вцепиться в лошадиную гриву. Она подняла голову, и сердце её ёкнуло: вид просторов пустыни заставил её вновь осознать всю безумность своего плана.

"Опустите голову и не снимайте капюшон", – нервно прошептал ей Физе. "Девушкам не положено здесь находиться. Если они вас увидят, то отошлют обратно. Подождите, пока мы дойдём до дальнего конца перевала. Там вас ждёт другая платформа, которая спустит вас на другую сторону. На ней будете только вы. Одна".

Дыхание Стары участилось, когда они быстрым шагом пошли мимо рыцарей, пересекая плато. Стара держала голову как можно ниже, изо всех сил избегая взглядов бдительных стражей.

Наконец, они остановились, и Физе прошептал:

"Ну всё, можете посмотреть вверх".

Стара откинула капюшон, волосы под которым совсем взмокли, и едва не ослепла: два огромных, всё ещё по-рассветному красных, великолепных солнца горделиво поднимались по сияющему пустынному небу, окрашивая его в миллионы оттенков алого и пурпурного. Это была заря над всем миром.

Она посмотрела вдаль, на раскинувшуюся впереди Великую Пустошь, тянущуюся, казалось, до конца земли. Там, в отдалении, бушевала Песчаная Стена, и Стара невольно опустила взгляд. Её помutilo от высоты, и ей тут же стало стыдно за эту свою слабость.

Они стояли над обрывом, у края отвесной стены, ведущей к подножию Перевала. Рядом с ними, в ожидании, болталась на верёвках пустая платформа.

Стара обернулась и заглянула Физе в глаза. Тот серьёзно посмотрел на неё в ответ.

"Вы уверены?" – спросил он тихо. Она заметила тень страха на его лице.

На секунду её охватила паника, но затем она снова подумала о Рисе и без колебаний кивнула.

Он тоже понимающе кивнул.

"Спасибо", – сказала она. "Не знаю, как я смогу вас отблагодарить".

Её спутник улыбнулся.

"Найдите своего любимого", – ответил он. "Я бы хотел быть на его месте".

Он поцеловал ей руку на прощание, развернулся и пошёл прочь. Стара проводила его взглядом, исполненным теплоты и благодарности. Если бы она так сильно не любила Риса, то, возможно, нашла бы своё счастье с ним.

Стара собралась с духом, взяла коня за гриву, развернулась и сделала первый судьбоносный шаг на платформу. Она старалась не смотреть на Великую Пустошь, на предстоявший ей смертельный путь. Но не всё равно не удержалась.

Верёвки скрипели, платформа качалась, солдаты приводили в движение блоки, фут за футом приближая её к бездне.

Рис, – думала она, – пусть я умру, но ради тебя я обойду весь мир.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Эрек вместе с Алистер и Стромом стоял на носу своего корабля, и смотрел вниз на бурлящие воды имперской реки. На его глазах яростный поток увлёк судно влево, в противоположную сторону от канала, который бы привёл их в Волусию, к Гвендолин и остальным. Его раздирали противоречия. Вне всяких сомнений, ему хотелось спасти Гвендолин, но, с другой стороны, священная клятва обязывала его освободить соседнюю деревню и стереть с лица земли местный имперский гарнизон. В противном случае, солдаты Империи вскоре убили бы недавно освобождённых рабов, и все усилия Эрека оказались бы напрасными – гостеприимная деревня вновь оказалась бы под игом имперцев.

Эрек поднял голову и внимательно всмотрелся в горизонт, отдавая себе отчёт в том, что с каждой секундой, с каждым порывом ветра и взмахом весла, они всё дальше и дальше удалялись от Гвендолин, от изначальной цели их миссии. Однако, он хорошо знал, что иногда можно сойти с намеченного пути, если того требует честь. Иногда, понял он вдруг, истинная миссия обнаруживает себя внезапно. Порой всё меняется в считанные мгновения, и неожиданный маленький поход превращается в *ту самую* цель.

И всё же, Эрек заключил договор сам с собой, что как можно скорее покончит с имперским гарнизоном и вернётся на развилку, чтобы поплыть в Волусию, на помощь Гвендолин, пока не стало слишком поздно.

"Господин!" – раздался чей-то выкрик.

Эрек оглянулся на голос и увидел, что сидящий на мачте матрос показывает куда-то на горизонт. Он обернулся, чтобы посмотреть, в чём дело, и, когда корабль, влекомый ускоряющимся течением, зашёл за поворот, у Эрека кровь едва не закипела в жилах: там, у кромки воды, стоял кишачий солдатами имперский форт. Он представлял собой приземистую серую постройку из грубого камня, окружённую по периметру часовыми надзирателями, ни один из которых, тем не менее, не утруждался наблюдением за рекой. Вместо этого их взгляды были устремлены в сторону рабской деревни внизу. Многолюдный посёлок был в полной их власти: солдаты безжалостно стегали селян плетьюми и хлыстами, мучили их прямо на улицах, заставляли непосильно трудиться. Те же имперцы, что оставались в форте, смотрели на всё это сверху вниз и смеялись.

Эрек покраснел от возмущения, от вида такой несправедливости ему стало трудно дышать. Он почувствовал, что не зря направил своих людей по этому рукаву реки, что они обязаны расставить всё по местам и заставить извергов заплатить за свои преступления. Пусть это будет капля в море на фоне всех бесчинств, творившихся в Империи, но Эрек был убеждён, что нельзя недооценивать значение свободы даже для одного отдельного человека.

Внимание Эрека привлекли пришвартованные вдоль берега имперские корабли, почти не охраняемые в виду ничтожной вероятности атаки. Это было не удивительно, ведь внутри Империи не существовало никаких враждебных сил, которые могли бы нагнать страх на огромную имперскую армию.

Так было до появления Эрека.

Эрек понимал, что, хоть численный перевес и был на стороне противника, он вполне мог компенсировать его внезапностью нападения. Если бы ему и его людям удалось нанести достаточно быстрый удар, они смогли бы выбить имперцев из их твердыни.

Эрек обернулся к своим людям и увидел рядом с собой Стром, уже с нетерпением ожидавшего его приказа.

"Возьми управление соседним кораблём", – скомандовал Эрек своему младшему брату, и, не успев договорить, как тот уже бросился действовать. Он пересёк палубу, перемахнул

через поручень, приземлился на палубу плившего рядом корабля и помчался на нос, чтобы принять штурвал.

Эрек обернулся к своим солдатам, столпившимся вокруг в ожидании распоряжений.

"Я не хочу, чтобы наше появление их всполошило", – сказал он. "Нам нужно подобраться как можно ближе. Лучники – по позициям! Все остальные – взять копья и пригнуться!"

Солдаты заняли позиции, присев на корточки вдоль бортов. Длинные ряды вооружённых копьями и луками, прекрасно вышколенных подданных Эрека терпеливо ждали его команды. Течение стремительно несло их вперёд, силы Империи стремительно приближались, и Эрек почувствовал знакомый прилив адреналина – в воздухе запахло битвой.

Они подплывали всё ближе и ближе, и теперь до противника оставалось каких-то сто ярдов. Сердце Эрека бешено колотилось, он надеялся, что их не заметили, и кожей ощущал напряженность своих людей, готовых броситься в атаку. Всё, что им было нужно – это подойти на расстояние выстрела, поэтому каждый рывок корабля, каждый покрытый фут был бесценен. Копья и стрелы были их единственной надеждой, и они не могли позволить себе промах.

Давай же, думал Эрек. Ещё чуть-чуть.

У Эрека душа ушла в пятки, когда один имперский солдат случайно обернулся и мельком взглянул на воду, а затем заморгал от удивления. Он заметил их слишком рано. Стрелять они пока не могли.

Алистер, стоявшая рядом, тоже его увидела. Прежде чем Эрек успел отдать приказ о досрочном начале битвы, она резко поднялась, и со спокойным, уверенным выражением лица подняла правую ладонь. На ней тут же возник жёлтый мерцающий шар, который Алистер немедленно метнула в сторону форта.

Эрек зачарованно смотрел, как шар света повис в воздухе немного впереди, превратился в переливающееся радужное облако и накрыл собой корабль вместе с экипажем. Они оказались под покрывалом лёгкой дымки, сделавшей их невидимыми для имперских глаз.

Часовой на посту озадаченно всматривался в дымку, но не видел ничего за ней. Эрек с улыбкой обернулся к Алистер, в который раз убеждаясь, что без неё им бы давно пришёл конец.

Теперь, когда его флотилия обзавелась идеальной маскировкой и спокойно продолжила путь, Эрек мог поблагодарить любимую.

"Твоя ладонь сильнее моего меча, моя госпожа", – сказал он с поклоном.

Она улыбнулась в ответ.

"Но сражаться и побеждать тебе придётся самому", – ответила она.

Ветер надувал паруса, но дымка по-прежнему висела над ними, и Эрек видел, что его людям стало ещё труднее усидеть на месте – им не терпелось выпустить свои стрелы и копья. Он понимал их – дrevко его собственного копья тоже жгло ему ладонь.

"Ещё не пора", – прошептал он своим воинам.

Когда дымка немного расступилась, Эрек начал различать силуэты имперских солдат. Они стояли на парапетах, их мускулистые спины лоснились от пота, хлысты с мерным свистом рассекали воздух, опускаясь на спины селян, и их щелчки о живую плоть были слышны даже на таком расстоянии. Остальные солдаты, явно предупреждённые часовым, были заняты разглядыванием реки. Казалось, что они что-то подозревают.

Эрек был очень близко. Когда до врага оставалось всего тридцать футов, стук сердца в ушах заглушил для него все остальные звуки. Дымка, наколдованная Алистер, начала рассеиваться, и он знал, что время пришло.

"Лучники!" – скомандовал Эрек. "Огонь!"

Дюжины лучников на всех кораблях флотилии прицелились и выстрелили.

Небо наполнилось звуком стрел, располозовавших его тонкими дымящимися следами. Смертоносные наконечники описали высокую дугу и устремились к имперскому берегу.

Повсюду затрубили горны, и имперский гарнизон закипел, как растревоженный улей, и начал готовиться к обороне.

"КОПЬЯ!" – крикнул Эрек.

Стром первым из всех встал и метнул своё копьё. Изящный серебряный снаряд со свистом взмыл в воздух, на головокругительной скорости перелетел реку и воткнулся имперскому командиру точно в сердце.

Ему вслед уже летело золотое копьё Эрека, нашедшее свою цель в груди ещё одного командира на другом конце форта. Все его люди последовали его примеру, и их копья одно за другим начали сбивать с ног пойманных врасплох имперских солдат.

Они валились дюжинами, и первая волна принесла Эреку обещание успеха. Однако, сотни имперцев остались в живых, и, как только корабль Эрека остановился, черкнув килем по отмели, он уже знал, что настал час рукопашной схватки.

"В АТАКУ!" – заорал он.

Эрек обнажил меч и перепрыгнул через борт. Пролетев по воздуху добрых пятнадцать футов, он приземлился на влажный песчаный берег Империи. Мгновения спустя, сотни его людей поступили так же и бросились в атаку, скачками пересекая пляж и на ходу уворачиваясь от имперских стрел и копий, которые теперь, когда они вышли на открытую местность, сыпались на них дождём. Имперские солдаты тоже наскоро построились и ринулись им навстречу.

Эрек собрался с духом, чтобы дать отпор первому громиле-имперцу, с диким криком бежавшему прямо на него и уже занёсшему свой топор у Эрека над головой. Эрек пригнулся, вспорол ему живот и поспешил дальше. Включились его боевые рефлексy, и следующего нападавшего он пронзил в сердце, затем уклонился от ещё одного удара топором, крутнулся на каблуках вскрыл грудь имперцу у себя за спиной. С другой стороны к нему уже подобрался ещё один противник, но он, даже не оборачиваясь, остановил его мощным ударом локтём по почке.

Эрек прорывался сквозь ряды солдат быстрее и ловчее, чем кто-либо другой на поле боя, и вёл своих солдат так, что число имперцев неумолимо уменьшалось, открывая дорогу к форту. Сражение было ожесточённым, они дрались нос к носу с разъярёнными имперцами, каждый из которых был вдвое крупнее, чем любой из них. У Эрека ныло в груди, когда он видел, сколько людей гибнет вокруг.

Но решимость не изменила Эреку, он двигался подобно молнии, и вместе со Стромом они изобретали всё новые и новые манёвры. Казалось, будто на пляж выпустили двух демонов прямиком из преисподней.

Вскоре дело было сделано. На пляже всё стихло, и усеянный трупами песок на глазах окрашивался в красный. Большинство погибших были имперскими солдатами, но и людей Эрека полегло немало.

Разъярённый Эрек помчался к форту, где всё ещё было полно солдат. Вместе со своими соратниками он начал подниматься по каменным ступеням вдоль крепостной стены и тут же столкнулся с первым вражеским солдатом. Эрек заколол его в сердце за миг до того, как тот успел опустит свой двуручный молот ему на голову. Он шагнул в сторону, и бездыханное тело имперца покатилоь по ступенькам вниз. Другой солдат возник из ниоткуда, и на помощь Эреку пришёл Стром. Раздался оглушительный грохот, брызнули искры, и смертоносное лезвие остановилось в дюйме от цели. Затем Стром толкнул противника рукоятью меча, и тот с воплями полетел вниз.

Эрек продолжил атаку, перепрыгивая через четыре ступеньки, пока не добрался до верхнего уровня каменного форта. Дюжины имперских солдат, до сих пор отсиживавшихся там, запаниковали, видя сколько их братьев уже пали в бою, и решили спастись бегством. Они побежали вниз по лестнице на другой стороне форта, а затем – на улицы деревни, где их ждал сюрприз: селяне тоже не сидели сложа руки. С выражением гнева и бесстрашия на лицах, они

поднялись против своих поработителей. Имперские хлысты и плети теперь обратились против самих надзирателей, и убегать им приходилось под градом ударов.

Солдаты Империи не ожидали такого поворота, и многие из них падали от рук бывших рабов. Рабы всё хлестали и хлестали их до смерти. Справедливость торжествовала.

Эрек стоял на верхушке форта, тяжело дыша, в окружении своих людей, и молча подводил итоги. Битва была окончена. Там, внизу, ослеплённым яростью селянам тоже понадобилось пару минут, чтобы осознать, что они только что произошло.

Затем один за другим послышались радостные выкрики, и слились в один победный клич, достигший самого неба. Их лица сияли чистой радостью. Их выкрики провозглашали свободу. Для Эрека не было важнее этого момента. Он знал, что для этого и нужна отвага.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Годфри сидел на каменном полу в подземном убежище под дворцом Силис. Акорт, Фултон, Арио и Мерек расположились рядом, Дрей лежал у его ног, а Силис и её слуги устроились у противоположной стены. Они сидели, обхватив колени руками, низко опустив головы, отдавшись во власть унынию – все понимали, что дождутся тут разве что смерти. Стены подвала ходили ходуном от битвы, кипевшей наверху, в захваченной Волусии, и до них доносились звуки агонии, в которой корчилась сейчас их столица. Пока они скрывались здесь, Рыцари Семёрки разрывали Волусию на куски.

Годфри в очередной раз приложился к своему бурдюку с вином, последнему в городе, в попытке заглушить боль и предчувствие неминуемой гибели от рук Империи. Остекленевшим взглядом он таранился на носки своих ботинок и пытался понять, как дошёл до такой жизни. Всего несколько месяцев назад он жил в безопасности, в родном Кольце, кутил направо и налево, и не беспокоился ни о чём кроме выбора таверны и борделя на грядущую ночь. Теперь же он оказался за морем, в Империи, в подземной ловушке в разрушенном городе. Вдобавок, этот гроб он выбрал себе сам.

Голова у него гудела, но он старался очистить сознание и сконцентрироваться. Он догадывался, о чём думают его друзья, чувствовал на себе их презрительные взгляды. Им не стоило его слушать, нужно было спастись, когда представилась такая возможность. Если бы они не вернулись за Силис, то добрались бы до залива, угнали корабль и были бы уже далеко от Волусии.

Годфри пытался искать утешение хотя бы в том, что он отплатил услугой за услугу и спас этой женщине жизнь. Если бы он не пришёл к ней вовремя и не предупредил об опасности, она бы, несомненно, осталась бы наверху и уже была мертва. Это чего-то да стоило, хоть и не было на него похоже.

"А теперь что?" – спросил Акорт.

Годфри обернулся и увидел обвиняющее выражение его лица. Тот озвучил вопрос, который вертелся на языке у каждого них.

Годфри снова оглядел их маленькую тускло освещённую комнату, пока слабо мигающие факелы не погасли совсем. Их скудные припасы и бурдюк эля едва виднелись в углу. Каждый час ожидания приближал их смерти. Слушая доносившиеся сверху отголоски войны, которым даже толстые стены не были помехой, он гадал, сколько продлится вторжение. Часы? Дни? Сколько времени понадобится Рыцарям Семёрки, чтобы подчинить Волусию? И уйдут ли они потом?

"Мы им явно не нужны", – рассуждал Годфри вслух. "Это война Империи с Империей. Они мстят Волусии. До нас им дела нет".

Силис покачала головой.

"Они засядут здесь, вот увидите", – мрачно отозвалась она, прорезав тишину своим глубоким голосом. "Рыцари Семёрки никогда не отступают".

Все замолчали.

"Сколько мы сможем тут продержаться?" – спросил Мерек.

Силис бросила взгляд на припасы и вздёрнула плечи.

"С неделю, наверное", – ответила она.

Наверху раздался страшный грохот, и Годфри вздрогнул оттого, что под ним затрясся пол.

Силис вскочила на ноги и стала взволнованно расхаживать взад-вперёд, нервно поглядывая на пыль, сыпавшуюся с потолка. Звук был такой, будто там, наверху, обрушилась каменная лавина, и хозяйке дома было особенно неприятно это слышать.

"Они ворвались в мой замок", – сказала она, скорее сама себе, чем всем присутствующим. Годфри заметил, как болезненно исказилось её лицо, и узнал это выражение человека, который теряет всё, что имел.

Она обернулась и посмотрела на Годфри с благодарностью.

"Если бы не ты, я сейчас была бы наверху. Ты спас наши жизни".

Годфри вздохнул.

"Только зачем?" – спросил он удручённо. "Что в этом хорошего? Теперь мы умрём в подвале".

Силис нахмурилась.

"Если мы останемся здесь, – спросил Мерек, – мы умрём?"

Силис повернулась к нему и грустно кивнула.

"Да", – ответила она без выражения. "Не сегодня и не завтра, но через пару дней – да. Они нас тут не достанут, но и мы не сможем выбраться. Наши припасы скоро иссякнут".

"И что тогда?" – спросил Арио, глядя ей в глаза. "Вы планируете здесь и подохнуть? Я, например, нет".

Силис, насупившись, меряла комнату шагами, и Годфри видел, как напряжённо она думает.

Наконец, она остановилась.

"Есть одна возможность", – сказала она. "Это рискованно. Но может сработать".

Она повернулась ко всем лицом, и Годфри задержал дыхание в надежде и нетерпении.

"Во времена моего отца под замком был туннель", – начала объяснять она. "Он проходил под его стенами и вёл в город. Если он ещё существует, мы могли бы его отыскать и уйти отсюда под покровом ночи. Если получится, мы попробуем пробраться через город к заливу. Возьмём один из моих кораблей, если они целы, и уплывём подальше отсюда".

Её слушатели ответили недоверчивым молчанием.

"Опасно", – сказал наконец Мерек мрачным тоном. "В городе будет полно имперцев. Как мы пройдем через него живыми?"

Силис пожала плечами.

"Ты прав", – ответила она. "Если нас поймают, то убьют. Но если мы выйдем в достаточно тёмном месте и будем убивать всех, кто станет у нас на пути, то, возможно, попадём в залив".

"А что, если мы найдём этот туннель, доберёмся до залива, но ваших кораблей там не окажется?" – спросил Арио.

Она пристально взглянула на него.

"У всякого плана есть недостатки", – ответила она. "Мы можем умереть там, а можем – здесь".

"Смерть за всеми придёт", – вставил Годфри, чувствуя новый прилив решимости. Он повернулся к остальным, всем своим видом показывая, что переборол свои страхи. "Вопрос только в том, как мы хотим умереть: здесь, внизу, как трусливые крысы? Или там, наверху, борясь за свободу?"

Медленно, один за другим, все встали, переглянулись и согласно кивнули в ответ.

В тот момент у них появился план. Ночью они должны были бежать.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Лоти и Лок шли рядом под палящим пустынным солнцем, прикованные друг к другу и подгоняемые хлыстом шедших позади имперских надзирателей. Они шагали по безжизненной пустоши, и Лоти снова задавалась вопросом, почему её брат вызвался на эту опасную, непосильную работу. Не сошёл ли он с ума?

"О чём ты думал?" – прошептала она ему. Их толкнули сзади, Лок потерял равновесие и споткнулся, но Лоти успела подхватить его под здоровую руку и не дать упасть.

"Зачем ты вызвался на это?" – добавила она.

"Посмотри вперёд", – сказал он, выравнивая шаг. "Что ты видишь?"

Лоти сделала, как он велел, но не увидела ничего кроме унылой пустыни, заполненной рабами, разбивавшими камни у себя под ногами. Чуть дальше был пологий холм, на перевале которого трудились ещё с дюжину человек. Всюду были надзиратели, и свист кнутов не стихал ни на секунду.

"Я не вижу ничего, – ответила она нетерпеливо, – кроме того, что уже видела, – рабов, которых надзиратели загоняют насмерть".

Внезапно спину Лоти пронзила резкая боль, будто с неё сдирали кожу, и она взвизгнула от удара хлыстом. Он действительно рассёк ей кожу на лопатке.

Она обернулась и увидела мерзко ухмыляющееся лицо надзирателя.

"Молчать!" – приказал он.

Лоти хотелось кричать от нестерпимой боли, но она сдержалась и пошла дальше рядом с Локом, гремя своими раскалёнными на солнце кандалами. Она поклялась убить всех этих имперцев при первом удобном случае.

Они молча зашагали дальше, и тишину нарушал только хруст камней под их подошвами. Наконец, Лок осторожно нагнулся к ней снова.

"Это не то, что ты видишь, – прошептал он, – а то, чего *не видишь*. Смотри внимательней. Наверх, на перевал".

Она изучила пейзаж ещё раз, но ничего не заметила.

"Там всего один надзиратель. Один. На две дюжины рабов. Оглянись на долину и посмотри, сколько их там".

Лоти украдкой оглянулась и увидела, что в долине надзирателей были многие дюжины. Они следили за рабами, которые выбирали камни и обрабатывали почву. Тогда она снова повернулась к перевалу, и наконец-то поняла, что задумал её брат. Там был не только один надзиратель, но и зерта в придачу. Средство спасения.

Это впечатляло.

Лок понимающе кивнул.

"На вершине перевала самый опасный рабочий участок", – зашептал он. "Там жарче всего, и ни рабы, ни надзиратели туда не рвутся. И в этом, сестрёнка, и есть наш шанс".

Внезапно Лоти пихнули в спину, и они вместе с Локом спотыкаясь полетели вперёд. Кое-как поднявшись, они продолжили путь к перевалу. Лоти хватала воздух ртом, пытаясь перевести дух в нарастающей жаре, но теперь у неё был повод для оптимизма, и сердце её билось в радостном возбуждении: у них был план.

Лоти и не подозревала, что её брат был таким храбрым, таким рискованным и готовым противостоять Империи. Однако сейчас, глядя ему в глаза, она видела в них ту отчаянную отвагу, какая жила в ней самой. Он предстал перед ней в новом свете, и она очень им восхищалась. Именно такой план она придумала бы сама.

"А что с нашими кандалами?" – шёпотом спросила она, когда надзиратели отвлеклись.

Лок махнул головой.

"Его седло", – ответил он. "Присмотрись хорошенько".

Лоти присмотрелась и увидела свисавший оттуда длинный меч – им-то они и могли рубить оковы. Они действительно могли выбраться.

Впервые с тех пор, как схватили работорговцы, у Лоти было хорошее предчувствие. Она изучила других рабов на перевале, сломленных мужчин и женщин, бездумно сторбившихся над своими участками, и не увидела ни единой искры в их глазах. Она понимала, что никто из них им не поможет, и её это устраивало. Помощь им была не нужна. Им нужен был шанс, а все эти рабы должны были послужить для отвлечения внимания.

У самой вершины холма Лоти ощутила пинок в спину, споткнулась и упала лицом в пыль. Грубые руки поставили её на ноги. Надзиратель снова толкнул её вперёд, затем развернулся и пошёл вниз по склону, оставляя их с Локом там.

"Стать в строй!" – крикнул новый надзиратель, единственный на перевале.

Лоти ощутила его заскорузлые ладони на своей шее, когда он пихнул её в сторону рабочего участка, и она, гремя цепями, поспешила занять своё место среди других рабов. Ей сунули в руки длинную железную кирку, и она должна была немедленно начать работать.

Лоти обернулась, увидела многозначительный кивок Лока, и ощутила, как огонь потёк по её венам. Она знала: сейчас или никогда.

С криком Лоти занесла кирку, размахнулась ею и со всей силы опустила вниз. Неожиданно для себя самой, она услышала глухой стук, и увидела, что конец кирки попал надзирателю точно в основание черепа.

Удар получился таким быстрым и решительным, что он никак не мог его предвидеть. У него не было времени отреагировать. Очевидно, всем другим рабам, которые здесь когда-либо трудились, бежать было некуда, и они никогда бы не решились на такой шаг.

Лоти почувствовала, как рукоять кирки в её руках завибрировала от удара, и с удовлетворением увидела, как у надсмотрщика подкосились ноги и он повалился на землю. Её спина ещё болела от ударов кнута, и сейчас Лоти чувствовала, что отмщена.

Её брат шагнул вперёд, высоко поднял свою кирку, и, как только имперец дёрнулся, чтобы встать, размозжил ему голову.

Тот затих.

Тяжело дыша и обливаясь потом, с бешено колотящимся сердцем, Лоти бросила окровавленную кирку и переглянулась с братом. У них получилось.

Лоти ощутила на себе любопытные взгляды других рабов, обернулась и увидела, что все они с открытым ртом наблюдали за происходящим. Они прервали работу, опёрлись о свои кирки, и на их лицах смешались неверие и ужас.

Лоти понимала, что им нельзя было терять время. Они с Локом, скованные одной цепью, побежали к зерту. Она обеими руками схватила висевший на седле меч, занесла его высоко и развернулась.

"Берегись!" – крикнула она Локу.

Тот собрался с духом и замер, и она обрушила меч на их цепь. Полетели искры, одно из звеньев расколосось, и Лоти ощутила сладкую свободу.

Она собралась было уходить, как вдруг услышала крик.

"А как же мы?!" – крикнул кто-то.

Лоти оглянулась и увидела, что со всех сторон к ней бежали и протягивали свои кандалы другие рабы. Она отвернулась от них, взглянула на бьющего копытом зерта, и решила, что время не ждёт. Ей нужно было как можно скорее двигаться на восток, в Волусию, последнее место, куда собирался Дариус. Возможно, она найдёт его там. Тем не менее, видеть своих братьев и сестёр в кандалах было ей невыносимо.

Лоти помчалась вперёд, сквозь толпу рабов, махая мечом направо и налево, разрубая их цепи, пока все они не освободились. Она не знала, что они будут делать дальше, но, по крайней мере, дала им столь желанный глоток свободы.

Лоти развернулась, вскочила на зерта и подала руку Локу. Он схватился за неё здоровой ладонью, и она втащила его в седло, а затем резко пнула зерта под рёбра.

Они снялись с места, и Лоти упивалась успехом, хоть и уже слышала вдалеке крики заметивших её надзирателей. Не мешкая, она направила зерта вниз по противоположному склону, и вместе с братом они ворвались в пустыню, прочь от надзирателей, вперёд к свободе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Дариус в шоке приподнялся и посмотрел в глаза загадочному человеку, склонившемуся над ним.

Отец.

Пока Дариус не мог отвести взгляд от его лица, пространство и время перестали для него существовать, и казалось, что весь мир замер и ждёт. Внезапно всё встало на свои места: то странное чувство, которое охватило Дариуса при первой же их встрече, ощущение чего-то знакомого, необъяснимое беспокойство – всё это были сигналы, которые посылало ему подсознание.

Его *отец*.

Раньше это слово не имело для него смысла.

Но теперь он был рядом, стоял над ним на коленях после того, как только что спас ему жизнь, остановив смертельный удар имперского солдата, который, несомненно, стал бы для Дариуса последним. Он рискнул своей жизнью, чтобы в одиночку вырваться на арену и не дать Дариусу погибнуть.

Он рисковал всем ради него. Ради своего сына. Но почему?

"Отец", – проговорил Дариус почти шёпотом, потрясённый до глубины души.

Его друг переполнила гордость от осознания своего родства с этим человеком, с этим великим воином, лучшим бойцом из всех, что он когда-либо встречал. Это дало ему надежду на то, что он и сам сможет однажды стать великим воином.

Его отец нагнулся, крепко схватил Дариуса за руку и поднял его на ноги. Дариус почувствовал себя заново рождённым. Он снова обрёл цель, нашёл смысл в том, чтобы продолжать бой.

Немедля, Дариус подхватил с пола своё оброненный меч, повернулся к отцу, и следующий отряд имперских солдат они приготовились встречать уже вместе. После того как отец Дариуса убил всех жутких монстров на арене, Империя послала к ним свежую порцию своих воинов.

Толпа взревела, и Дариус мельком взглянул на искажённые яростью лица солдат, несшихся к ним с длинными копьями наготове. Он сосредоточился, и картинка у него перед глазами будто замедлилась – он входил в необходимое состояние сознания, чтобы драться не на жизнь, а на смерть.

Один из солдат метнул копьё Дариусу прямо в лицо, но он отклонился вправо, и металлический наконечник блеснул всего в дюйме от его глаза. Затем он замахнулся как следует и, когда солдат приблизился, чтобы сразиться в рукопашную, Дариус ударил его рукоятью меча в висок и отправил в нокаут. Он пригнулся, чтобы избежать лезвия меча другого солдата, сделал выпад и вспорол противнику живот.

Ещё один солдат атаковал сбоку, нацелив своё копьё Дариусу между рёбер, и манёвр его был слишком быстрым, чтобы тот успел отреагировать. Но тут раздался стук металла по дереву, и Дариус обернулся, чтобы с благодарностью посмотреть на отца, остановившего удар своим посохом. Затем он шагнул к нападавшему и ударом посоха между глаз заставил его повалиться наземь.

Его отец крутился во все стороны, размахивая посохом, в одиночку борясь с целым отрядом имперцев. Деревянный перестук наполнял воздух, и копья одно за другим вылетали из рук владельцев. Отец буквально танцевал между солдатами, скакал вокруг них, как газель, виртуозно управлялся с посохом, будто он был каким-нибудь предметом искусства, и без промахов разил противников продуманными ударами между глаз, в кадык, в диафрагму... Имперцы валились с ног как подкошенные. Он был подобен молнии.

Дариус, вдохновлённый, тоже дрался как одержимый, черпая энергию у отца. Он резал и рубил, наклонялся и уворачивался, его меч гремел от ударов о мечи имперцев, и искры вылетали из-под его лезвия. Он бесстрашно ворвался в самую гущу солдат. Хотя они и были гораздо крупнее его, у них не было такого боевого духа, они не сражались за свою жизнь, у них не было таких отцов. Много раз он принимал на себя удары, предназначенные отцу, и спасал его от подкрававшейся смерти. Имперцы разлетались во все стороны.

Последний солдат бросился на Дариуса и обеими руками поднял меч высоко над головой, но Дариус рванул вперёд и заколол его в сердце. Глаза имперца вылезли из орбит, он замер и медленно осел на землю. Мёртвый.

Дариус стоял рядом с отцом, спиной к спине. Оба они тяжело дышали и любовались делом рук своих. Все солдаты Империи в крови. Они победили.

Дариус чувствовал, что здесь, рядом с отцом, он мог бы выдержать любое испытание. Вместе они были неуправляемой силой. Он пока не мог привыкнуть к мысли, что дерётся плечом к плечу с отцом, о котором он всегда мечтал. С выдающимся воином. Его отец оказался очень необычным человеком.

Затрубили горны, и трибуны снова оживились. Дариус понадеялся было, что они чувствуют победителей, но в дальнем конце арены открылась ещё одна железная дверь, и он понял, что худшее ещё впереди.

Раздался оглушительный трубный звук, и Дариусу понадобилось мгновение, чтобы понять, что это трубил не человек. Он с замиранием сердца смотрел в чёрный дверной проём, и внезапно, к его ужасу, оттуда появились двое слонов. Полностью чёрные, в чёрной сбруе и с длинными блестящими белыми бивнями, слоны встали на дыбы и снова яростно затрубили.

От этого звуку затрясся даже воздух. Животные взбрыкнули своими огромными передними ногами и с грохотом опустили их на арену, заставив её содрогнуться так, что Дариус и его отец не смогли устоять на месте. Верхом на слонах сидели имперские солдаты, вооружённые копьями и мечами, с головы до пят закованные в чёрные доспехи.

Дариус смотрел на них, разинув рот, и понимал, что никогда в жизни не видел таких огромных зверей, и что у них не было никаких шансов на победу. Он обернулся у отца, увидел его бесстрашный взгляд, прямую спину и готовность встретить смерть лицом к лицу, и это придало ему сил.

"Отец, мы не сможем победить", – озвучил Дариус очевидное, пока слоны разгонялись для атаки.

"Мы уже победили, сынок", – ответил он. "Мы стоим здесь, храбро встречаем их, не отворачиваемся и не бежим, а значит, они уже потерпели поражение. Наши тела могут умереть здесь сегодня, но память о наших жизнях останется навеки. Нас будут помнить за нашу отвагу!"

Не говоря больше ни слова, его отец испустил боевой клич и пошёл в атаку, и Дариус, воодушевлённый примером, не отставал. Они вдвоём бежали навстречу слонам так быстро, как только могли, не колеблясь ни секунды, желая заглянуть смерти в лицо.

Момент столкновения оказался не таким, как Дариус ожидал. Он уклонился от копья, выпущенного всадником, затем занёс меч и полоснул слоновью ступню. Дариус не знал, как нужно драться со слонами, равно как и не знал, сможет ли нанести хоть какой-то урон.

Не смог. Дариус едва оцарапал ему кожу. Громадный зверь взбесился ещё больше, нагнул свои бивни, размахнулся из стороны в сторону и сбил Дариуса ударом в рёбра.

Дариус пролетел по воздуху тридцать футов, приземлился на спину и, с ощущением того, что из него вышибло весь дух, покатился по пыли. Он всё катился и катился, не в силах отдышаться и остановиться, и только слышал сквозь пелену приглушённые вопли толпы.

Наконец, он развернулся, пытаясь найти глазами отца, беспокоясь о его судьбе, и боковым зрением заметил, как тот метнул своё копьё вертикально вверх, целясь в гигантский слоновий глаз, а затем кувыркнулся и откатился с пути животного, бросившегося в атаку.

Это было идеальное попадание. Наконечник вошёл точно в зрачок, слон завизжал, затрубил, колени его подогнулись, он споткнулся и повалился наземь, подняв густое облако и серьёзно задев второго зверя.

В приливе надежды и решимости, Дариус кое-как поднялся на ноги и выбрал мишенью одного из имперских солдат, вывалившегося из седла и теперь барахтавшегося в пыли. Солдат встал на четвереньки, нащупал рядом своё копьё и прицелился отцу Дариуса в спину. Тот ничего не подозревал, и Дариус понял, что через секунду он будет мёртв.

Дариус бросился действовать. Он подбежал к солдату, поднял меч, выбил копьё у противника из рук и одним ударом снёс ему голову.

Трибуны ликовали.

Однако, у Дариуса не было времени, чтобы насладиться триумфом: он услышал страшный грохот и увидел, что второй слон поднимается на ноги, и его всадник направляет животное в его сторону. Бежать было бесполезно, поэтому Дариус лёг на спину, взял копьё и нацелил его вверх, в опускающуюся на него слоновою подошву. Он выждал до последнего момента и откатился в сторону, когда слон уже собрался его задавить.

Дариуса обдало потоком ветра, когда огромное животное пронеслось в нескольких дюймах от него, а затем услышал вопль: слон наступил на копьё, и металл вошёл глубоко в его плоть. Копьё стояло вертикально и вонзилось в слоновою ногу на всю длину древка.

Слон задёргался, закричал, начал хаотично наматывать круги, и имперский солдат, сидевший на нём верхом, потерял равновесие. Он вывалился из седла, с воплями пролетел добрых пятьдесят футов и сломал себе шею при падении.

Слон, обезумевший от боли, рванул в другую сторону и задел Дариуса своим хоботом. Тот снова пролетел через половину арены, а когда приземлился, почувствовал, что у него не осталось ни одного целого ребра.

Пока Дариус вставал на четвереньки, пытаясь отдышаться, его отец отчаянно сражался с несколькими имперскими солдатами, выпущенными из-за решётки на подмогу собратьям. Он крутился во все стороны, махал своим посохом и сбивал одного врага за другим.

Первый слон с торчащим из глаза копьём поднялся на ноги, подгоняемый кнутом одного из солдат, успевшего взобраться на него верхом. Всадник поднял его на дыбы, а затем направил на отца Дариуса, который ничего этого не видел и продолжал драться с пехотинцами.

Дариус видел, что происходит, но не мог этому помешать, потому что оказался слишком далеко от отца. Он не мог добраться к нему вовремя. Как в замедленной съёмке, он смотрел на несущееся животное.

"НЕТ!" – завопил Дариус.

Он в панике смотрел на то, как слон приближался к ничего не подозревавшему отцу. Дариус помчался через поле боя, умоляя время остановиться. Но он знал, что его усилия тщетны, и мир вокруг него начал рушиться.

Слон нагнул свои бивни, разогнался и насадил его отца на один из них.

Отец Дариуса вскрикнул, кровь хлынула у него изо рта, и слон поднял его высоко в воздух.

Дариус почувствовал, что сердце его перестало биться при виде его отца, храбрейшего воина всех времён, насаженного на бивень. Даже умирая, тот не прекращал попыток освободиться.

"ОТЕЦ!" – вопль Дариуса поднялся до небес.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Торгрин стоял на носу корабля и крепко сжимал рукоять меча. Он в ужасе смотрел на гигантское морское чудовище, возникшее из кровавых глубин. Оно было такого алого цвета, как и море под ним. Поднявшись выше, оно бросило на корабль багровую тень и лишило экипаж и без того тусклого света Земли Крови. Чудовище разинуло пасть и обнажило дюжины рядов клыков, а затем выпустило во все стороны свои щупальца. Некоторые из них были длиннее, чем сам корабль, и со стороны это выглядело так, будто исчадие ада открывало им свои объятия.

Затем оно нагнулось над кораблём и начало опускаться, готовясь его проглотить.

Рис, Селезия, О'Коннор, Индра, Матус, Элден и Эйнджел все стояли рядом с Торгрином и держали наготове своё оружие, бесстрашно глядя зверю в глаза. Тор собрался с духом и ощутил, как Меч Мёртвых завибрировал в его руке. Это было сигналом к действию. Он должен был защитить Эйнджел и остальных и не мог ждать, пока монстр до них доберётся.

Торгрин прыгнул вперёд, чтобы встретить его раньше, вскочил на поручень, поднял клинок над головой и, как только одно из щупалец потянулось к нему, размахнулся и отрубил его. Огромное щупальце рухнуло на палубу с глухим звуком, корабль дёрнулся, и оно вылетело за борт.

Остальные не мешкали. О'Коннор выпустил очередь стрел чудовищу в глаза, а Рис тем временем отрубил ещё одно щупальце, уже тянувшееся к талии Селезии. Индра метнула копье, пронзив чешую у монстра на груди, Матус взмахом кистеня отнял ещё одно щупальце, а Элден топором отхватил два за дин удар. Все, как один, братья по Легиону обрушились на зверя, атакуя его как единый слаженный механизм.

Чудовище взревело от ярости. Оно явно не ожидало всех этих стрел и лезвий, и такой организованный отпор стал для него сюрпризом. Его первый рывок закончился ничем, и от раздражения оно взревело ещё громче, затем пулей взмыло в воздух и также быстро скрылось под поверхностью, оставив после себя огромные круги на воде, раскачавшие судно.

Тор озадаченно стоял во внезапно наступившей тишине, и на секунду решил, что монстр отступил и признал своё поражение. Уверенности в этом придавала его кровь, всплывавшая из глубины и окрашивавшая воду вокруг. Однако, в глубине души Тору не нравилось, что всё стихло так быстро.

Немного позже, чем следовало, он сообразил, что задумало чудовище.

"ДЕРЖИТЕСЬ!" – заорал Тор товарищам.

Едва он договорил, все почувствовали, как корабль начинает неуклюже подниматься над водой. Они буквально взлетали всё выше и выше, пока не зависли в воздухе, опутанные щупальцами монстра. Тор посмотрел вниз и увидел, что чудовище залезло под киль и распустило сеть своих щупалец по всему кораблю от носа до кормы. Он затаил дыхание, предчувствуя катастрофу.

Монстр размахнулся и метнул корабль в море. Тот пролетел над водой, как детская игрушка, и все, кто был на борту, схватились, за что придётся, и болтались в воздухе, пока корабль снова не упал в море.

Судно бешено раскачивалось, и Тор со спутниками не удержались и полетели по палубе, переворачиваясь, ударяясь о мачты и счёсывая себе кожу о палубные доски. Тор заметил, что Эйнджел оказалась на самом краю и вот-вот должна была вывалиться за борт. Он протянул руку, схватил её крошечную ладонь и притянул к себе, мельком заглянув в её расширившиеся от страха глаза.

Наконец, корабль выровнялся. Тор с трудом поднялся на ноги, как и все остальные, и приготовился к следующей атаке. Стоило ему это сделать, как он тут же заметил, что монстр

уже плывёт к ним на полной скорости и угрожающе машет своими скользкими щупальцами. Он обхватил корабль со всех сторон, и извивающиеся кончики поползли через борт и потянулись к членам экипажа.

Тор услышал крик и, обернувшись, увидел, что щупальце обвилось вокруг лодыжки Селезии и потащило её к борту. Рис очутился рядом и отрубил щупальце, но тут же ещё одно уже зацепилось за его руку. Всё больше и больше щупалец лианами вилось по палубе. Почувствовав одно на своём бедре, Тор оглянулся и увидел, что все его братья по Легиону отбивались на пределе возможностей, но на каждое отрубленное щупальце появлялось по два новых.

Корабль был увит целиком, и Тор понимал, что если немедленно что-нибудь не придумает, их всех затащит на дно. Он услышал вопль высоко в небе, поднял голову и увидел одного из демонов, выпущенных из ада. Демон пролетел над ними, бросив насмешливый взгляд, и скрылся в облаках.

Тор закрыл глаза, осознавая, что это было одно из предназначенных ему испытаний, один из решающих моментов в его жизни. Он попытался отрешиться от окружающей действительности и сосредоточиться на своём внутреннем мире. На своём обучении. На Аргоне. На матери. На своём могуществе. Он был сильнее, чем сама вселенная, и знал это. Глубоко внутри него дремали силы, способные менять физическую реальность. Это существо было всего лишь порождением этого мира, и оно не могло сравниться с Тором в могуществе. Тор мог призвать на помощь силы природы, те силы, которые создали этого монстра, и отправить его обратно в преисподнюю.

Тор ощутил, как мир вокруг него замедлился. В его ладонях разгорался огонь, поднимающийся вверх по рукам, окутывавший плечи, спускавшийся по спине, щекочущий позвоночник и снова возвращавшийся в кончики пальцев. С ощущением неуязвимости, Тор открыл глаза. Он почувствовал, как в них засияла невероятная сила, энергия вселенной.

Тор протянул руку и положил ладонь на щупальце рядом с собой. Щупальце тут же обмякло, и монстр спешно отдернул его, будто обжёгся.

Тор преобразился. Он обернулся и увидел показавшуюся из-за борта голову чудовища с разинутой пастью – оно явно готовилось заглотить их всех целиком. Братья и сёстры по Легиону не могли высвободиться из пут и, барахтаясь в щупальцах, неумолимо приближались к краю палубы.

Тор испустил громогласный боевой клич и ринулся в атаку на зверя. Одним прыжком он оказался рядом с ним прежде, чем монстр успел притянуть к себе остальных. Не нуждаясь в мече, Тор потянулся к монстру своими горящим ладонями. Он положил ладони чудовищу на морду и почувствовал, как она иссыхает от его прикосновения.

Хватка Тора была крепкой. Монстр рычал и корчился, пытаясь высвободиться, но напрасно. Постепенно щупальца, одно за другим, начали разжиматься и отпускать судно, а силы Тора тем временем только прибывали. Он обхватил чудовище обеими руками и почувствовал, как оно начинает подниматься в воздух. Совсем скоро морской гигант уже парил у Тора над головой, удерживаемый энергией, исходящей из его ладоней.

Когда монстр поднялся на добрых тридцать футов над водой, Тор развернулся и отшвырнул его вперёд.

Вопя и извиваясь, монстр кубарем пролетел над кораблём, преодолел сотню футов по воздуху, затем вдруг обмяк и безвольно плюхнулся в море.

Мёртвый.

Тор молча стоял на палубе, давая телу остыть, и остальные тоже мало по малу приходили в себя и собирались вокруг него. Тор тяжело дышал, в глазах у него всё плыло, но он уже сосредоточился на новой цели. Впереди, за кровавым морем, на горизонте возвышался чёрный замок, в котором, как он знал, держали его сына.

Время пришло. Больше ничто не могло его остановить и помешать спасти своего малыша.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Волусия стояла перед своими многочисленными советниками на улице столицы Империи и с ужасом рассматривала своё отражение в зеркале. Половина её нового лица была по-прежнему прекрасна, а другая половина оплавилась и потеряла очертания. Она изучала себя со всех сторон и не могла подавить волну отвращения. Тот факт, что половина её былой красоты всё ещё была при ней, странным образом ранил её ещё больше. Ей пришлось в голову, что проще было бы, если бы её лицо изуродовали целиком – тогда бы она просто забыла о том, как выглядела раньше.

Волусия вспоминала свою прежнюю сногсшибательную внешность – источник её власти, благодаря которому стали возможными большинство важнейших событий в её жизни. Красота всегда была её орудием манипуляций как над мужчинами, так и над женщинами, и один её взгляд порой заставлял падать людей на колени. Всё это было утрачено безвозвратно. Она стала не просто обычной семнадцатилетней девчонкой, но полу-монстром. Видеть себя теперь было ей невыносимо.

В приступе ярости и отчаяния, Волусия швырнула зеркало на мостовую и смотрела, как его сколки разлетаются по безукоризненно чистым улицам столицы. Все её советники молча отвернулись, понимая, что сейчас к ней лучше было не обращаться. К тому же, по их лицам она видела, что им противно смотреть на тот кошмар, в который она превратилась.

Волусия оглянулась по сторонам в поисках воксов, чтобы разорвать их в клочья, но их и след простыл – они испарились, как только наложили на неё своё жуткое заклятье. Её предупреждали не заключать с ними союзов, и сейчас она поняла, что не напрасно. За свою беспечность она заплатила высокую цену. И изменить ничего было нельзя.

Волусии нужно было выместить на ком-то злость, и взгляд её упал на Бриана, нового главнокомандующего её сил, красавца-воина всего на пару лет старше её самой. Высокий, мускулистый, с точёными чертами, он был влюблён в неё, сколько она себя помнила, а в последние месяцы даже решился на открытые ухаживания. Но теперь он боялся даже посмотреть на неё, и это её взбесило.

"Ты, – прошипела она ему, вне себя от обиды, – почему ты на меня не смотришь?"

Волусия побагровела, когда он поднял голову, но не посмел встретиться с ней взглядом. Ей стало ясно, её роль балаганного уродца – это её судьба на всю оставшуюся жизнь.

"Я кажусь тебе мерзкой, так?" – спросила она, и голос её надломился от боли.

Он низко опустил голову, но не ответил.

"Хорошо же", – сказала она после долгой паузы, определившись со своей мстью. "Тогда я *приказываю* тебе: ты будешь смотреть на лицо, которое тебе так ненавистно. Ты докажешь мне, что я красива. Ты будешь спать со мной".

Главнокомандующий наконец встретился с ней глазами, и они были полны страха и ужаса.

"Но, Богиня..." – промямлил он дрожащим голосом, понимая, что в случае отказа его ждёт смерть.

Волусия расплылась в улыбке, наконец-то развеселившись. Её план мести – переспать с мужчиной, считавшем её омерзительной – был идеальным.

"После вас", – сказала она, отступая на шаг, и жестом указала ему в сторону своих покоев.

*

Волусия стояла у высокого арочного окна на верхнем этаже своего дворца в столице Империи. Первое утреннее солнце заглядывало в комнату, развевающиеся на ветру занавески нежно касались её лица, но она не замечала ничего сквозь слёзы. Слезинки щекотали её здоровую щёку, но вот в расплавленной, заколдованной части она не чувствовала ничего. Половина лица будто онемела.

Тихий храп отвлек её от грустных мыслей, Волусия обернулась через плечо и увидела Брина, всё ещё спавшего в постели. Гримаса отвращения не покидала его лица даже во сне. Каждая секунда, проведённая с ней, доставляла ему мучения. Она знала об этом, и чувствовала себя немного отмщённой, однако полностью удовлетворить её это не могло. Она не могла ничем ответить воксам, но жажду мести нужно было как-то утолить.

Эта маленькая месть была совсем не тем, о чём она мечтала. В конце концов, воксы исчезли бесследно, а она по-прежнему была здесь, живая и обречённая мириться с новой собой всю оставшуюся жизнь. Эта внешность, это изуродованное лицо, на которое она не могла смотреть, осталось с ней навсегда.

Волусия вытерла слёзы и выглянула за городские стены. Там, на горизонте, в лучах восходящего солнца, виднелись пока ещё далёкие войска Рыцарей Семёрки. Их чёрные стяги трепетали на ветру. Там они разбили лагерь и собирали силы. Они окружали её постепенно, стягивали миллионы солдат со всей Империи и готовились к вторжению. Готовились её сокрушить.

Она предвкушала это столкновение. Воксы были ей не нужны. Она не сомневалась, что и сама сможет их всех уничтожить. Ведь она была богиней. Она давным-давно покинула ряды простых смертных, стала легендой, властительницей, которую не может остановить ни одна армия в мире. Она их встретит один на один и избавится от них раз и навсегда.

Тогда, наконец-то, в целом мире не останется никого, кто захочет ей противостоять. Её власть будет безграничной.

Волусия услышала шорох и боковым зрением заметила движение: Брин отбросил простыни, сел в постели и начал одеваться. От неё не укрылось то, как он изо всех сил старается не шуметь, чтобы выскользнуть из спальни незамеченным. Он никогда больше не хотел смотреть ей в лицо, и это укололо её ещё сильнее.

"А, генерал", – обратилась она к нему, как ни в чём не бывало.

Она увидела, как он в страхе замер. Затем он нехотя обернулся к ней, а она улыбнулась ему, нарочно мучая его видом своей искалеченных губ.

"Идите сюда, генерал", – позвала она. "Прежде чем вы уйдёте, я хочу вам кое-что показать".

Он медленно повернулся и пошёл к Волусии. Всю дорогу, пока он пересекал комнату, взгляд его блуждал, избегая останавливаться на ней.

"Разве вы не хотите подарить своей Богине сладкий поцелуй на прощанье?" – спросила она.

Он едва заметно скривился, и это вызвало в ней новую волну гнева.

"Забудьте", – сказала она помрачнев. "Но кое-что я вам всё-таки покажу. Взгляните. Видите, там, на горизонте? Присмотритесь хорошенько. Скажите мне, что там происходит".

Он подошёл ближе, и она положила руку ему на плечо. Он наклонился вперёд, в окно, и взгляделся в линию горизонта. Она смотрела на то, как он недоумённо хмурится.

"Я ничего не вижу, Богиня. Ничего необычного".

Волусия широко улыбнулась, чувствуя знакомую сладость скорой мести и свою вечную жажду насилия и жестокости.

"Смотрите лучше, генерал", – сказала она.

Он нагнулся ещё немного вперёд, и Волусия одним быстрым движением схватила его за рубашку на спине и, приложив всю свою силу, перебросила его через подоконник.

Брин завизжал, барахтаясь в воздухе, пролетел добрых сто футов вниз и расшибся о мостовую. Смерть его была мгновенной, а звук от удара эхом пронёсся по тихим улицам столицы.

Волусия улыбнулась шире, рассматривая тело. Теперь месть была полной.

"Вы должны были увидеть там самого себя, генерал", – сказала она ему вдогонку. "Ну и кто теперь выглядит нелепей?"

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Гвендолин с Кроном у ног шла по полутёмным коридорам башни Искателей Света, медленно поднимаясь по винтовой лестнице на одной стороне здания. Вдоль стен горели факелы и стояли служители культа. Они были молчаливы и внимательны, а руки их были спрятаны в карманах мантий. Чем выше Гвен поднималась, тем сильнее становилось её любопытство. Королевский сын, Кристоф, довёл её до середины пути, а затем развернулся и пошёл обратно вниз, предупредив её, что дальше ей придётся идти самой, так как с Эдольфом она могла встретиться лишь один на один. Все здесь говорили о нём, как о каком-то божестве.

Тихие песнопения и тяжёлый запах ладана сопровождали Гвен на всём пути. Она шла и гадала, какие секреты мог прятать Эльдоф, и удастся ли ей когда-нибудь вырвать членов королевской семьи из-под его влияния.

Гвен завернула за угол, коридор перед ней внезапно расширился и она охнула от открывшегося ей вида. Она вошла в пронизанную светом воздушную комнату с потолками в сто футов высотой и стенами сделанными полностью из витражного стекла. Алые, пурпурные и розовые блики придавали комнате нереальное ощущение. Но ещё нереальнее казалось то, что в центре этого огромного пространства, в столбе света, сидел мужчина, и всё это великолепие предназначалось ему одному.

Эльдоф.

Сердце Гвен громко заколотилось о грудную клетку, когда она заметила его богоподобную фигуру, будто спустившуюся с небес. Он сидел, сложив руки под сверкающей золотой рясой, его абсолютно лысая голова блестела, равно как и его изысканный резной трон из слоновой кости, к которому вела поднимающаяся вверх дорожка с рядами зажжённых факелов по обеим сторонам. Эта комната, этот трон, эта дорога – всё это внушало больше почтительного ужаса, чем мог себе позволить любой король. Гвен сразу поняла, почему Король Перевала чувствовал угрозу в этом человеке, его культе и его башне. Всё здесь требовало преклонения.

Он не окликнул её и, казалось, вообще не заметил её присутствия, поэтому Гвен, не зная, что ещё делать, начала восхождение по длинной золочёной тропе к его трону. По пути она заметила, что была в комнате не одна – в тени у трона, закрыв глаза и спрятав руки в карманы, несли службу дюжины верующих. Гвен задумалась над тем, сколько же всего в этом культе было членов.

Наконец, она остановилась в нескольких футах от подножия трона и посмотрела вверх.

Он удостоил её взгляда своих кристально-голубых сияющих глаз, казавшихся глазами очень древнего потустороннего существа. Он улыбнулся ей, но взгляд его остался холодным. Это гипнотизировало. Она почувствовала себя почти также, как в присутствии Аргона.

Она не знала, что сказать, пока он пронзал её взглядом. Ей чудилось, что он смотрит прямо ей в душу. Она стояла молча и ждала, пока он насмотрится, чувствуя, как Крон у её ног тоже напрягся.

"Гвендолин из Западного Королевства Кольца, дочь Короля МакГиля, последняя надежда и спасительница своего народа. И нашего", – медленно произнёс он, будто читая с древнего манускрипта. Гвен никогда не слышала такого глубоко голоса, как у него – казалось, это говорили сами камни башни. Он не спускал с неё глаз и голосом вводил в транс. Когда она смотрела на него, время и пространство переставали для неё существовать, она забывала о том, кто она и где, и чувствовала, что её уже начинает затягивать в этот культ личности. Как бы она ни старалась, она не могла посмотреть в сторону. Ей стал казаться, что он стал центром её вселенной, и теперь она понимала, почему эти люди поклоняются ему и подражают ему во всём.

Гвен смотрела на него, и все слова выветрились у неё из головы. Такое бывало с ней крайне редко. Она никогда ни перед кем не испытывала такого смущения, ведь общаться с

королями и королевами было для неё естественно, и сама она была королевой и королевской дочерью. В этом человеке было что-то не поддающееся описанию. На секунду она даже забыла, зачем пришла.

Наконец, она совладать со своим разумом и заговорила.

"Я пришла, чтобы..." – начала было она.

Он перебил её, рассмеявшись резким глухим смехом.

"Я знаю, зачем ты пришла", – сказал он. "Я узнал об этом даже раньше, чем *ты сама*. Я знал о твоём прибытии сюда до того, как ты пересекла Великую Пустошь. Я знал о твоём отплытии из Кольца, о путешествии на Верхние Острова и о приключениях в море. Я знаю о твоём муже, Торгрине, и о сыне, Гувейне. Я наблюдал за тобой с большим интересом, Гвендолин. Многие века я наблюдал за тобой".

От этих слов у Гвен мороз пошёл по коже. Этот незнакомец знал о ней всё. Она спрашивала себя, откуда ему всё это было известно, и покрывалась мурашками от страха. Она почувствовала, если её затянет на его орбиту, она уже не сможет вырваться, как бы ни старалась.

"Откуда вы это знаете?" – спросила она.

Он улыбнулся.

"Я – Эдольф. Я – это одновременно и начало и конец всех знаний".

Он встал, и она в шоке увидела, что он был вдвое выше ростом, чем любой мужчина, какого она видела. Он сделал шаг вперёд, посмотрел на неё своим чарующим взглядом, и Гвен поняла, что не может пошевелиться. Стоя пред ним, было очень сложно собраться с мыслями и сохранять самостоятельность.

Гвен заставила себя очистить сознание и сосредоточиться на своей задаче.

"Ваш Король нуждается в вас", – сказала она. "Перевал нуждается в вас".

Он рассмеялся.

"Мой король?" – презрительно повторил он.

Гвен заставила себя продолжить.

"Он считает, что вы знаете, как спасти Перевал. Он думает, вы скрываете от него способ спасения этого места и этого народа".

"Так и есть", – сказал он просто.

Гвен этот быстрый и прямой ответ сбил с толку, и она не нашла, что сказать. Она ожидала, что он будет всё отрицать.

"Это правда?" – спросила она потрясённо.

Он улыбнулся но не ответил.

"Но зачем?" – спросила она. "Почему вы не откроете секрет?"

"А зачем бы мне это делать?" – в свою очередь спросил он.

"Зачем?" – спросила она оторопело. "Чтобы спасти это королевство и людей, разумеется".

"А это мне для чего?" – не отступал он.

Гвен нахмурилась, ничего не понимая. У неё не было ответа. Наконец, он вздохнул.

"Твоя проблема в том, – сказал он, – что ты веришь, будто всех необходимо спасать. Но в этом ты ошибаешься. Ты смотришь на время с точки зрения десятилетий, а я измеряю его веками. Тебе кажется, что каждый народ ценен сам по себе. А я вижу людей всего лишь как зубчики шестерёнок в огромном механизме времени и судьбы".

Он приблизился к ней ещё на шаг, и обжёг её взглядом.

"Некоторым народам, Гвендолин, суждено вымирание. Они *обязаны* исчезнуть".

"Обязаны?" – переспросила она в ужасе.

"Одни должны погибнуть, чтобы освободить других", – пояснил он. "Одни должны пасть, чтобы другие поднялись. Что делает одного человека важнее любого другого? Одно место важнее какого-либо ещё?"

Гвен задумалась над его словами, и совсем запуталась.

"Без разрушений невозможен рост. Без песков пустыни не построить великих городов. Что важнее: разрушение или грядущий расцвет? Ты разве не понимаешь? Не видишь, что разрушение – это просто основа".

Растерянная Гвен пыталась понять, но только терялась ещё больше.

"Значит, вы собираетесь остаться в стороне и позволить Перевалу и его народу погибнуть?" – спросила она. "Но почему? Какая вам от этого выгода?"

Он рассмеялся.

"Почему во всём нужно искать выгоду?" – поинтересовался он. "Я не спасу их, потому что им *не суждено* спастись", – сказал он с особым ударением. "Это место, Перевал, не должно выжить. Его судьба – быть разрушенным. Судьба этого Короля – умереть. Его народ должен покинуть этот мир. И я не собираюсь становиться у судьбы на пути. Мне был дан дар предвидения, но я не намерен им злоупотреблять. Я не изменю то, что вижу. Кто я такой, чтобы мешать естественному ходу вещей?"

Гвендолин невольно подумала о Торгрине и Гувейне.

Эдольф широко улыбнулся.

"Ах, да", – сказал он, пристально глядя на неё. "Твой муж. Твой сын".

Гвен посмотрела в ответ, потрясённая его способностью читать её мысли.

"Ты так сильно хочешь им помочь", – добавил он, а затем покачал головой. "Но иногда судьбу нельзя изменить".

Она покраснела и закрылась от его слов, не желая им верить.

"Я *изменю* судьбу", – сказала она настойчиво. "Чего бы мне это ни стоило. Даже если придётся отдать собственную душу".

Эдольф смотрел на неё долго и внимательно.

"Да", – сказал он. "Ты сможешь, с тебя станется. Я вижу в тебе достаточно сил. Дух воина".

В его взгляде впервые появился оттенок неуверенности.

"Такого я не ожидал в тебе увидеть", – продолжил он, и голос его прозвучал почти робко. "Есть несколько избранных вроде тебя, которые и правда способны вмешиваться в предначертанное. Но цена за это очень велика".

Он вздохнул, будто отгоняя видение.

"В любом случае, – продолжил он, – ты изменишь судьбу не здесь, не на Перевале. Сюда идёт смерть. Их нужно не спасать, а уводить. Им нужен новый лидер, который переведёт их через великую Пустошь. Думаю, ты уже знаешь, что этим лидером будешь ты".

У Гвен кровь застыла в жилах. Она и представить не могла, где взять сил, чтобы сделать это ещё раз.

"Как я их поведу?" – спросила она, чувствуя усталость от одной этой мысли. "И куда им идти? Вокруг нас ничего нет".

Он замолчал, отвернулся и пошёл прочь, а у Гвен возникло внезапное жгучее желание узнать больше.

"Скажите мне", – потребовала она, хватая его за рукав.

Он обернулся и посмотрел на её руку так, будто это была ядовитая змея. Она отпустила его. Несколько монахов выступили вперёд и замаячили совсем рядом, бросая на гостью гневные взгляды, однако, по кивку Эдольфа они вернулись на свои места.

"Скажи ты мне", – обратился он к ей. "Я отвечу тебе один раз. Что ты хочешь знать?"

Гвен набрала в грудь побольше воздуха, и отчаянно выпалила:

"Гувейн. Мой сын. Как мне вернуть его? Как изменить судьбу?"

Он смерил её долгим тяжёлым взглядом.

"Ответ был у тебя перед глазами всё это время, а ты всё равно его не заметила".

Гвен напрягла мозг, сгорая от необходимости узнать, но не смогла понять, о чём речь.

"Аргон", – добавил Эдольф. "Остался один секрет, который он боится тебе поведать. У него все ответы".

Гвен была в шоке.

"Аргон?" – переспросила она. "Он знает?"

Эдольф покачал головой.

"Он – нет. А его учитель – да".

У Гвен в сознании всё перевернулось.

"Его *учитель*?"

Эдольф кивнул.

"Потребуй от него, чтобы он вас познакомил", – ответил он, интонацией давая понять, что разговор подходит к концу. "Ответ, который ты получишь, удивит даже тебя".

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Мардиг гордой и решительной походкой шагал по коридорам замка, и сердце его уско-ренно билось, когда он прокручивал в голове то, что собирался сделать. Он протянул руку и вспотевшей ладонью сжал кинжал, надёжно спрятанный на поясе. Он шёл тем же путём, как и сотни других раз, когда навещал отца.

Королевские покои были уже близко, и Мардиг привычно лавировал по извилистым коридорам, минуя многочисленную стражу, кланявшуюся при виде королевского сына. Мардиг знал, что опасаться их не стоило. Никто подозревал о том, что он задумал, а когда кто-нибудь узнает о том, что произошло, будет уже слишком поздно – королевство станет принадлежать ему.

У Мардига внутри бушевал вихрь противоречивых эмоций, ему стало сложно заставить себя сделать следующий шаг, колени задрожали, но он приказал себе собраться и приготовился совершить то, о чём раздумывал всю свою жизнь. Его отец всегда угнетал его, не одобрял его так, как одобрял других своих сыновей-воинов. Даже своими дочерьми он гордился больше, чем Мардигом. А всё из-за того, что решил не примыкать к всеобщему культу рыцарства и предпочитал пить вино и ухлёстывать за женщинами вместо того, чтобы убивать других людей.

В глазах отца он стал неудавшимся ребёнком. Король всегда только хмурился в его сторону, и неодобрительный отцовский взгляд следовал за Мардигом, куда бы тот ни пошёл. Мардиг всегда мечтал о том, чтобы свести с ним счёты и захватить власть. Все ждали, что престол перейдёт одному из его братьев: если не старшему, Колдо, то брату-близнецу Мардига, Людвигу. Но у Мардига были другие планы.

Когда он завернул за угол, часовые на посту почтительно поклонились и обернулись, чтобы открыть ему дверь, даже не спросив причины визита.

Однако, один из них внезапно замер и адресовал Мардигу вопросительный взгляд.

"Господин, – сказал он, – Король не предупреждал нас о посетителях на это утро".

Сердце Мардига забилось чаще, но он напустил на себя дерзкий и уверенный вид. Он обернулся к солдату с высокомерным властным взглядом, и тот немного оробел.

"Я что, обычный посетитель?" – спросил Мардиг холодно, собирая всю свою храбрость в кулак.

Часовой медленно отступил, Мардиг прошёл в открытую дверь и солдаты захлопнули её у него за спиной.

Войдя в комнату, Мардиг заметил на себе удивлённый взгляд отца, который до этого стоял у окна и задумчиво взирал на своё королевство. Он выглядел растерянным.

"Мардиг", – поприветствовал его отец. "Чем я обязан такой чести? Я не звал тебя. Да и в прошедшие месяцы не утруждал себя визитами. Разве что, когда тебе что-то было нужно".

Сердце Мардига вырывалось из груди.

"Я пришёл не затем, чтобы просить тебя, отец, – ответил он, – а затем, чтобы взять".

Такой ответ сбил Короля с толку.

"Чтобы взять?" – переспросил он.

"Чтобы взять то, что моё по праву", – сказал Мардиг.

Он несколько раз прошёлся по комнате взад-вперёд, собираясь с духом, пока отец ошарашенно за ним наблюдал.

"И что же здесь твоё по праву?" – спросил он.

Мардиг почувствовал, как мокреют ладони, теребил рукоять кинжала и не знал, сумеет ли довести свою затею до конца.

"Королевство, разумеется, что же ещё?" – сказал он.

Мардиг медленно достал кинжал, желая, чтобы отец увидел его перед ударом, чтобы понял, как сильно он его ненавидел. Он хотел увидеть на лице отца страх, шок, ярость.

Но, когда Король бросил взгляд вниз, реакция его оказалась совсем иной. Мардиг ожидал, что тот будет сопротивляться, даст ему отпор, но вместо этого отец посмотрел на него с грустью и сочувствием.

"Мальчик мой, – сказал он, – ты мой сын, и я люблю тебя не смотря ни на что. Я знаю, что в глубине души ты не хочешь этого делать".

Мардиг прищурился, не понимая.

"Я болен, сын мой", – продолжил Король. "Совсем скоро я умру, и тогда Королевство перейдёт к твоим братьям, но не к тебе. Даже если ты убьёшь меня сейчас, ты не получишь от этого никакой выгоды и всё равно останешься третьим в очереди. Положи своё оружие и обними меня. Я всё равно люблю тебя, как отец только может любить своё дитя".

Внезапно в Мардиге вспыхнул гнев, руки его затряслись, он прыгнул вперёд и вонзил кинжал глубоко в сердце отцу.

Тот стоял и смотрел на него широко открытыми от удивления глазами, а Мардиг крепко держал его и прямо смотрел в ответ.

"Твоя болезнь ослабила тебя, отец", – сказал он. "Пять лет назад я бы такого не сделал. Королевство не заслуживает слабого короля. Я знаю, что ты бы скоро умер, но это было бы недостаточно скоро для меня".

Наконец, он осел на пол и больше не двигался.

Он был мёртв.

Тяжело дыша, Мардиг смотрел вниз, переживая шок от содеянного. Он вытер руку о плащ, отбросил нож, и тот с лязгом упал на мраморный пол.

Мардиг скорчил гримасу.

"Не беспокойся за моих братьев, отец", – добавил он. "У меня есть сюрприз и для них".

Мардиг перешагнул через тело отца, подошёл к окну и взглянул на город внизу. На свой город.

Всё это было теперь *его*.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Кендрик поднял меч и отразил удар пустынного кочевника, бросившегося ему прямо в лицо со своими острыми, как лезвие, когтями. Со звоном когти налетели на меч, и искры посыпались во все стороны. Лапы существа скользнули вниз по острию, и кочевник замахнулся, чтобы с силой обрушиться на голову Кендрика, но тому удалось увернуться.

Кендрик обернулся вокруг своей оси, чтобы нанести резкий удар, но это существо оказалось на удивление проворным – оно сделало сальто назад, и меч Кендрика просто рассёк пустоту. Затем кочевник, высоко подпрыгнув, ринулся вперёд и приземлился прямо перед Кендриком, который на этот раз приготовился дать должный отпор. Он недооценил скорость этого существа, но теперь подготовился. Кендрик низко припал к земле, взметнул меч высоко вверх, чудовище бросилось вперёд и всем весом напоролось на лезвие.

Кендрик поднялся на колени и нанёс удар снизу, отсекая лапы ещё двух пустынных кочевников, явившихся по его душу. После этого он развернулся и вонзил клинок одному из противников в живот, прежде чем тот успел вцепиться ему в спину.

Твари окружили его со всех сторон, и Кендрик очутился в гуще ожесточённого сражения, плечом к плечу с товарищами – с Атме по одну сторону, и Колдо и Людвигом – по другую. Впятером они инстинктивно образовали кольцо, став спинами друг другу. Они наносили хлесткие и колющие удары, пинали тварей ногами, прикрывая друг друга и не давая пустынным кочевникам передышки.

Они дрались и дрались, не переставая, под палящими солнцами, потому что им некуда было отступать и негде было скрыться на бескрайней открытой равнине. У Кендрика болели плечи, руки были по локоть измазаны в крови, и силы его после изнурительного перехода и долгого сражения подходили к концу. Но никто не мог прийти им на помощь, и им оставалось только до последнего сражаться за свою жизнь. Пустынные чудища визжали, падая наземь направо и налево, и Кендрик думал о том, что драться нужно было очень осторожно, ведь путь обратно обещал быть долгим, и любое ранение могло стать роковым.

В разгар битвы Кендрик краем глаза заметил вдалеке их пропажу – Кейдена – и с облегчением понял, что он жив. Руки юноши были связаны за спиной, он пытался вырваться, но несколько кочевников крепко держали его. Это зрелище придало Кендрику мужества, напомнив ему о том, зачем он, в конце концов, пришёл сюда. Разъярённый, он пустился в бой с удвоенной силой в попытке пробить себе путь к мальчику сквозь толпу мерзких тварей. Ему не нравилось, как они обращались со своим пленником и понимал, что должен добраться до него раньше, чем случится что-нибудь непоправимое.

Кендрик взревел от боли, когда его руку полоснуло, будто лезвием. Обернувшись, он увидел существо, которое размахивалось для нового броска. Своими невероятно острыми когтями оно задумало впиться Кендрику прямо в лицо, и тот, не сумев вовремя сориентироваться, стиснул зубы и зажмурился в ожидании смертельного удара. Вдруг, откуда ни возьмись, появился Брандт. Он сделал молниеносный выпад вперёд и насквозь пронзил грудь кочевника своим мечом, принеся Кендрику спасение в последний миг.

В то же самое время Атме шагнул вперёд и пронзил ещё одного кочевника, прежде чем тот смог вонзиться в горло Брандта своими ядовитыми клыками.

Кендрик, в свою очередь, раскрутился на месте и одним ударом зарубил двух чудовищ прежде, чем наброситься на Атме.

Так Кендрик и продвигался, кружась и сыпля ударами, уничтожая всех противников до последнего. Кочевники падали ему под ноги, устилая песок своими телами и окрашивая его багровым.

Боковым зрением Кендрик заметил, что несколько существ схватили Кейдена и бросились с ним наутёк. Его сердце бешено заколотилось – этого он больше всего опасался. Если он упустит их из виду, то они просто исчезнут в этой пустыне, и Кейдена больше никто не найдёт.

Кендрик понимал, что должен немедленно броситься в погоню. Он высвободился от нападавших кочевников, распахивая их локтями, и помчался за мальчиком, оставляя других драться с чудовищами. Несколько кочевников ринулись за ним, и Кендрику пришлось оборачиваться, чтобы на ходу отпихивать их от себя. Кендрик чувствовал, что его одолевают со всех сторон, но что бы там ни было, он не останавливался. Ему нужно было вовремя добраться до Кейдена.

Кендрик не спускал взгляда с Кейдена, понимая, что обязан его удержать, и что для этого у него была всего одна попытка.

Он достал висящий на поясе меч и метнул его. Острие вонзилось кочевнику в шею, отправив чудовище на тот свет, прежде чем оно смогло впиться когтями Кейдену в горло. Кендрик прорвался сквозь толпу врагов, пользуясь выигранным временем. Он добежал до Кейдена и заколол ещё одного кочевника до того, как тот смог прикончить мальчика.

Кендрик занял оборонительную позицию, и, пока Кейден, связанный, лежал на земле, уничтожал его похитителей одного за другим. Чем больше существ надвигалось на Кендрика, тем чаще ему приходилось отражать их удары, летящие на него со всех сторон. Он оказался окружённым, вынужденным отбиваться по всем фронтам, но не терял решимости защитить Кейдена. Остальные же, как он мог видеть, были слишком заняты боем и не могли прийти ему на помощь.

Кендрик высоко занёс меч и разрубил верёвки, связывавшие мальчика.

"Возьми мой меч!" – крикнул он ему.

Кейден выхватил запасной короткий меч из ножен Кендрика и развернулся к неприятелю, чтобы рука к руке со своим спасителем дать отпор оставшимся чудовищам. Хоть парнишка и был очень молод, он сражался смело, отчаянно, стремительно, и Кендрику был рад получить такого союзника.

Они отлично дрались вместе, разбрасывая врагов направо и налево. Но тем не менее, как бы они ни бились, чудовищ было слишком много. Вскоре Кендрик и Кейден оказались в плотном кольце врагов.

Когда силы уже начали покидать Кендрика, когда его плечи совсем ослабли, он неожиданно услышал оглушительный боевой клич. Он возликовал, увидев, как Колдо, Людвиг и Атме продираются сквозь ряды монстров и наносят им сокрушительные удары. Воодушевлённый, Кендрик поднажал, и вместе с Кейденом они выстояли под натиском неприятеля. Вшестером, они были непобедимы, и вскоре ни одного кочевника не осталось в живых.

Кендрик, тяжело дыша, стоял в наступившей тишине посреди песков пустыни и оценивал обстановку. Ему с трудом верилось в то, что они только что сделали. Повсюду валялись трупы чудовищ, растянувшиеся в разнообразных позах, а песок был влажным и красным от их крови. Он и его товарищи получили немало ран и порезов, но всё-таки они были живы. Освобождённый Кейден и вовсе улыбался до ушей.

"Не могу поверить, что вы пришли за мной сюда", – сказал он.

"Ты – мой брат", – ответил Колдо. "Как я мог тебя бросить?"

Послышался какой-то звук, Кендрик обернулся и увидел шесть связанных верёвкой лошадей, угнанных кочевниками. Шестеро друзей обменялись понимающими взглядами.

Все, как один, они поспешили к лошадям, взобрались на них и, не успев даже как следует сесть в седло, пришпорили скакунов и помчались в сторону Пустоши – наконец-то домой, на Перевал.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Эрек стоял на корме корабля, подбадривая бойцов своего флота, и с волнением оглядывался через плечо. С одной стороны, он чувствовал облегчение от того, что им удалось освободить имперское селение, пройти вверх по реке к Волусии, к Гвендолин, с другой же – слишком дорогой ценой всё это досталось: он не только потерял людей, но и упустил время, и теперь разрыв между ним и остатками имперского флота сократился до минимума. Бросив взгляд назад, Эрек увидел, что враги идут за ним по пятам, лавируя по извилистой реке. Чёрно-золотые знамёна Империи развевались всего в нескольких сотнях ярдов. Если раньше они отставали от него на день, то теперь догнали и преследовали его яростно, как шершень преследует свою жертву. Это были превосходные суда, гораздо лучше укомплектованные личным составом, и с каждым порывом ветра они неумолимо приближались.

Эрек повернулся, чтобы взглянуть на линию горизонта. От своих разведчиков он узнал, что Волусия лежит где-то там, за излучиной реки. Принимая во внимание ту скорость, с которой их нагоняли имперские корабли, он сомневался в том, сможет ли его маленький флот вовремя добраться до пункта назначения. Он начинал понимать, что если они не успеют, то им придётся занять оборонительные позиции. Они будут вынуждены вступить в сражение с противником, столь критично превосходящим их по числу, что выйти победителями из этой схватки у них не получится.

Эрек услышал звук, от которого у него волосы на затылке встали дыбом. Он обернулся и увидел картину, заставившую его похолодеть от ужаса: стая стрел взвилась в воздух с имперских кораблей, и вот они уже неслись по воздуху, закрывая солнечный свет и устремляясь по дуге в сторону его судов. Эрек, взяв себя в руки, наблюдал за тем, как первая волна стрел утонула в воде где-то в двадцати метрах от его корабля. Звук этих падающих стрел был похож на стук тяжёлых капель дождя, ударяющихся о воду.

"Стрелы!" – завопил Эрек, предупреждая своих людей об опасности, чтобы они успели укрыться.

Большинству из них удалось спрятаться в самый последний момент. Вскоре была выпущена новая волна стрел из более мощных арбалетов, и Эрек с ужасом увидел, как одна из них долетела до его корабля. Раздался крик, и Эрек, обернувшись, увидел, что стрела вонзилась в ногу одному из его солдат. Это была одна случайная стрела, которой удалось долететь до своей цели.

Эрек был взбешён и осознал необходимость решительных действий. Имперский флот уже подошёл на расстояние выстрела, ещё немного – и неприятель поравняется с ними. Выстоять против имперского флота, насчитывавшего тысячи судов, у бойцов Эрека просто не было шанса. Эрек знал, что нужно срочно что-то придумать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.